

18+

А. Ча.гин

Вкус времени I

А. Ча.гин

Вкус времени – I

«Издательские решения»

А. Ча.гин

Вкус времени – I / А. Ча.гин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986455-0

«Вкус времени» — авантюрная эпопея XX века, повествующая об истории одной русской семьи на протяжении 100 лет. Семья героев романа, невольно следуя за всеми изгибами истории нашего Отечества, претерпевает те же невзгоды и испытывает те же радости, что и весь русский народ. И главное — эта летопись поколений безоговорочно утверждает: как бы ни рушилась судьба человека, какие бы беды не одолевали его, из любого положения он способен подняться и занять достойное для себя место. 2-ая редакция.

ISBN 978-5-44-986455-0

© А. Ча.гин

© Издательские решения

Содержание

От Автора	6
I. Времена не выбирают	8
Пролог	8
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вкус времени – I

А.Ча.гин

Кто не помнит своего прошлого, тот обречен пережить его вновь.
Джордж Сантаяна

А.Ча.гин *Дизайнер обложки*

© А.Ча.гин, 2020

© А.Ча.гин, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-6455-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-6456-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

История семьи...

История века...

Историю создают люди, и поэтому документальная история одной русской семьи может являться ключевым звеном в цепи исторических событий, важным штрихом, дополняющим общую картину жизни огромной страны в целом веке.

Автор представляет роман, рассказывающий о семье Щеголевых, являющийся по своей сути скорее сборником новелл, сюжетов и рассказов, объединенных главными героями этого эпического повествования. Но нельзя сказать что книга «Вкус времени» – строгие мемуары или нравоучительная ЖЗЛ, это настоящая жизнь! Такая как есть. Та жизнь, что происходила в то мгновение и в тех условиях.¹

Наравне с достоверными рассказами самих Щеголевых, книга насыщена настоящими авантурными приключениями наших героев, их путешествиями по миру на танках, автомобилях, лошадях, пароходах и самолетах. Они поднимаются на вершины гор, спускаются в холодные пещеры, бродят по незнакомым городам и странам деревням, испытывают смертельные опасности и наслаждаются красотами Лазурных берегов. Книга населена тысячами ярких персонажей, и, возможно, читатель сможет узнать и себя в одном из них, и таким образом попасть в скрижали Истории. Параллельно с интересными эпизодами необыкновенной жизни Щеголевых в контексте данного времени, упоминаются и анализируются глобальные события, которые, несомненно, влияли на их судьбу. Также интересно сравнить уклад русской жизни в начале XX-го века и в его конце. Любопытны и подлинные дневники, в которых люди, непосредственно находящиеся в конкретной ситуации, высказывают свое мнение о тех или иных исторических происшествиях.

И все это чистая правда! Почти...

Как живописный фон, как отголосок прошлого в книге приведены заметки из прессы тех лет, которые в какой-то мере отражают суть каждой главы.

Что говорить, наши герои перенесли много трудностей и трагедий. Но были и прекрасные мгновения в их жизни, которые приносили им счастье и радость. Не всегда Щеголевы сами, по своей наивности или глупости готовили себе и своим близким всевозможные передраги. Тупость, мракобесие и ограниченность, проявляемые некоторыми окружавшими их людьми, тоже сыграли свою драматическую роль.

Но злоключения не сломили Щеголевых. И наши герои не потеряли любви и уважения к своей родине, великой и могучей России, веры в русских людей, в которых они видели залог вечности и процветания нашего тысячелетнего государства. Любовь к Родине – это ведь не просто любовь к определенной территории компактного проживания лиц определенной национальности. Это любовь к близким, уважение к людям, честность и доброта, трудолюбие и посильное служение обществу, соблюдение законов морали и государства и еще много других важных определений.

Все это можно назвать кратко: **СОБЛЮДЕНИЕ БОЖЕСКИХ ЗАКОНОВ.**

Это не просто высокие слова, а убеждение, точка зрения и опора, которая помогала Щеголевым жить в самые непростые времена. Справедливости ради, необходимо сказать, что история Щеголевых – не жития праведников, но каждое отступление от святых заповедей тотчас же пагубно отражалось на судьбах наших героев. Можете поверить.

Поводом к созданию хроники именно этой семьи послужили увлекательные рассказы и бесстрастные дневники Владислава Щеголева – подлинного автора книги, всю жизнь кото-

¹ Имена некоторых персонажей изменены.

рого мы увидим на этих страницах. Он дал Автору первую живую искру, а также поведал о том, что их род имеет давнюю историю. Род Щеголевых по преданиям ведется из земель Рязанских. Боярин Андрей Щегол из свеев, живший в имении Перевиц на Оке, был известен еще в XIV веке. Это только фамильная легенда, документов в семье не осталось, так как в тридцатых годах было опасно иметь личные родословные списки. Но изыскания Марии Константиновны Гололовой, которая в институте истории АН СССР занималась изучением русских родословных, подтвердили это предание. Фамилия Щеголевых занесена в Шестую родословную книгу (Бархатную) – «Древние благородные дворянские роды».

И теперь этот, с позволения сказать, документальный роман будет являться неотъемлемым Приложением к Бархатной книге. Во всяком случае, Автор надеется на это.

Свод законов 1876 года гласит: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели, начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами: чем, обращал самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное». То есть, объективно, Щеголевы на протяжении, по крайней мере, семи веков верно служили России и никогда не изменяли ни ей, ни себе, что и было отмечено в истории.

Автор должен предупредить, что канва некоторых событий, в угоду желанию реальных лиц, незначительно изменена, поскольку действие непосредственно касается наших современников, у которых вполне может быть свой взгляд на происходившие события. Однако комментарии, отдельные выводы и точку зрения на объективные факты Автор просит оставить за ним... или за Щеголевыми. В то же время, Автор требует от будущих литературоведов и биографов не отождествлять его ни с одним из персонажей.

В книге приведено множество, казалось бы, ненужных деталей и подробностей, но именно они сохраняют колорит времени, его содержание, помогая понять мотивы поступков наших героев. Благодаря ничтожным штрихам, становится легче представить себя на месте наших героев и наяву почувствовать вкус того времени...

Глубокое уважение испытывает Автор, как и Щеголевы, ко всем персонажам, упомянутым в книге, кроме, естественно, явно отрицательных. Каждое лицо, имя, фамилия – это человек со своей огромной и неповторимой жизнью, и очень часто трагической. Отдать дань уважения и памяти безвестным людям, ушедшим в прошлое навсегда – главная цель Автора. Но несомненно и то, что основной идеей этого романа является выражение благодарности людям ныне живущим, – всем тем, кто делил со Щеголевыми и кусок хлеба, и радость, и боль на протяжении своего собственного, такого короткого века...

І. Времена не выбирают

Пролог

...Но вот, наконец, звонят к «достойно»... затем, полчаса спустя, на колокольне и в толпе заметно какое-то волнение. Из церкви одну за другой выносят хоругви, раздаются бойкий, спешащий трезвон... Аналой, деревянный круг, кольшики и крест на льду переливают тысячами красок. Крест и голубь испускают из себя такие лучи, что смотреть больно...

Боже милостивый, как хорошо!

Было раннее весеннее утро. Солнце только поднялось над ближним лесом и в пойме реки, прикрытой высоким берегом, еще стелилась сизая дымка. На противоположном залильном берегу в тумане по шиколотку паслись кони, изредка всхрапывая и мотая головами. Со станции Коровино едва слышно донесся гудок далекого поезда. В утренней тишине ясно и отчетливо лязгнул амбарный засов, и протяжно закрипели усадебные ворота. Имение Щеголевых сегодня просыпалось чуть не раньше всей Крутогорской деревни...

Саша сладко потянулся, в последний раз зажмурил глаза, прогоняя остатки сна, и, наспех одевшись, прямо из окна выпрыгнул в парк. Какой прекрасный и какой ответственный день наступает! Прекрасный не только совсем уже летним солнцем и ясным небом, но и важнейшим событием в его жизни!

О, Господи, как он любит ее, свою Катеньку! Сегодня, наконец, свершится Великое таинство, и они обвенчаются. И начнется совсем другая, такая счастливая и бесконечная жизнь! И это случится уже сегодня, этим чудным светлым утром. Александр обежал дом кругом и, напевая себе под нос веселый мотивчик, ворвался в гостиную.

Хотя мир еще не проснулся, но во всей усадьбе уже царил предпраздничный переполох. Все домашние и прислуга готовились к свадьбе и Александр, войдя в дом с другой стороны, сразу попал в самую гущу дел и организаторских забот.

Щеголев-старший, известный тульский помещик, женил сына – Александра Александровича на юной московской красавице Екатерине Константиновне Джалий. Свадьбу ожидали давно и готовили долго, но, как всегда, все самое важное происходило в последний момент.

Уже к заре поместье Щеголевых кипело: и хозяйева, наносившие последние штрихи в одеяние жениха; и челядь, собиравшая на столы; и дворовые, скоблившие и без того чистые и двор, и дом – все сбилось с ног в нервическую суету. Среди всего этого бедлама только конюх Игнат, выкатив парадную карету, подчеркнуто спокойно готовил лошадей.

Но ко времени Щеголевское семейство все же собралось, и свадебная кавалькада тронулась в Крутогорье – деревню, что соседствовала с Песчаным. Там, на площади у церкви ждали невесту, собрав вокруг торжественного выезда всю округу. Вскоре из недалекого Тюнежа прибыла и невеста с родственниками, подружками и гостями, и вереницы экипажей окончательно заполнили Крутогорский проезд.

Вот и пора, – прибежал служка и шепнул старшему Щеголеву, что настало время, батюшка ждет. Его будто услышали все, и гомон моментально стих. По мановению главного организатора всё сообщество пришло в движение, гости и зеваки расступились, образуя парадный коридор, и жених с невестой, явно волнуясь и робея, рука об руку вступили в храм.

Ударили колокола, и звон их залил округу мирным и радостным благовестом. Колокола звонили по Кате и Саше...

Венчание совершалось в местной Крутогорской церкви, построенной, на средства Щеголевых и батюшка был частым гостем в Песчанке и, может быть, от этого торжество казалось хотя и величественным, но каким-то теплым и по-домашнему добрым. Служба, озаряемая

ангельскими голосами певчих, и, ведомая низким распевным басом батюшки, пронеслась для молодых в одно мгновение. И вот произнесены последние слова молитвы, прозвучали последние аккорды Божественных гимнов и...

Господь благословил!

Новый двадцатый век для Саши и Кати начинался счастливо, да и давно в уезде не было такого радостного и великолепного праздника. Гости приехали на свадьбу, как казалось, чуть ли не со всех краев России: из Санкт-Петербурга, Москвы, Каширы, Тулы и еще Бог знает из каких мест. Старик-отец был влиятельным человеком, и просто-то проведать его почитали за честь, а тут такое событие. Праздновали и по всей деревне – Щеголевы любили. А взволнованному Саше казалось, будто вокруг них с Катей кружится весь мир...

Институтские подружки, собиравшие невесту, завидовали Кате:

– Жених-то у тебя красивый, богатый...

Катя опускала глаза и отводила этот разговор, не желая обсуждать достоинства своего избранника.

А жених действительно был хорош – высок, имел приятное лицо, пышную шевелюру, плотную фигуру, но относительно богатства подруги преувеличивали, большие деньги водились только у отца – старого Щеголева, и распоряжался он ими исключительно самостоятельно.

Из церкви свадебный кортеж проследовал в усадьбу, где и развернулось основное веселое гуляние.

Во время свадебного пиршества кто-то случайный настроение старику все же подпортил:

– Что ж вы, дорогой Александр Арсеньевич, до Спаса свадьбу играете? Не боитесь, промаются молодые? – неудачная шутка пробежала тенью по отцовскому лицу. Так ли?

Но счастливым Саше и Кате было все это безразлично. У них была вся жизнь впереди, вся светлая и радостная жизнь!

А вечером, под звездным небом пускали фейерверки под громкие и восхищенные возгласы гостей...

Александр встретился с Катей Джалий в семье тюнежских помещиков Урушевых. Будущая невеста приезжала из Москвы к своей тетке Анне Алексеевне и гостила как правило целое лето. На одном из приемов Саша Щеголев и познакомился с очаровательной москвичкой. Провинциальный молодой человек, хотя и закончивший столичный кадетский корпус, так и не привык к манерам высшего общества, и долго мучился, не зная как подступиться к светской девице. К тому же, присущие Александру застенчивость и нерешительность, сильно затягивали романтический процесс и отодвигали на неопределенное время какие-либо объяснения и признания. Но, после двухгодичных переживаний и стенаний в духе – «...О, Боже! Она не вернется!» – все как-то быстро и неожиданно образовалось (правда, не без участия Александра Арсеньевича), и к лету Саша уже был готов к решительному шагу. Катя еще училась на женских курсах, когда ей сделали предложение, и свадьбу решили сыграть сразу после выпускных экзаменов.

Как было уже сказано, по характеру Александр представлял собой довольно мягкого по натуре человека, и в молодой жене он нашел очень теплую, общительную и милую подругу. Она отличалась приветливостью, добротой, и потом всю жизнь будет объединять всю семью Щеголевы.

Молодая красивая супружеская чета притягивала многочисленных знакомых, и в их дом потянулись гости. Молодые устраивали приемы, балы, фуршеты, где танцевали, разыгрывали скетчи, а то и просто гуляли в живописных окрестностях Песчанки. Но и «старый» Щеголев, которому едва перевалило за 60, не сидел бирюком – к нему частенько приезжали гости из двух столиц, именитые родственники из Рязани, Тулы, официальные лица из губернской управы. Сам он тоже был не прочь отправиться куда подальше, ездил по Европам, в Петербург, Москву, а то и днями гостевал в Ясной поляне у своего приятеля боевой юности – графа Толстого, не обращая внимания на причуды именитого хозяина. Да, верно говорится: старый друг лучше

новых двух. Так что светская жизнь в Песчаном была куда интересней, чем даже в ближайшем к имению уездном городе – Кашире.

Но делу время, потехе час, и, как бы дополняя мужа, Катя, несмотря на свою молодость, была скоро и отважна в разрешении всяческих бытовых и хозяйственных забот, чем сразу заслужила уважение старшего Щеголева. А его признание дорогого стоило.

Новобрачные поселились в своей заново обставленной половине. Александр Арсеньевич расстарался. Старик Щеголев понимал, что юная хозяйка явилась со школьной скамьи и ничего не смыслит в огромном хозяйстве, но, тем не менее, немного приглядевшись, с легким сердцем вручил ей ключи и бразды правления. Ключи в доме являлись символом власти. Это была тяжелая связка с большими и малыми ключами, которую молодая хозяйка торжественно носила по дому и в службах. Так восемнадцатилетняя девочка стала играть роль главной распорядительницы в имении. Правда, патриарх семейства снабжал ее полезными книгами и давал практические советы по житейским вопросам. Кроме того, Катя часто бывала в Москве, где, навещая родителей, слушала курсы по домоводству, воспитанию детей и прочим важным семейным наукам.

После такой серьезной теоретической подготовки можно было обзаводиться малышами, и первым на свет появился Борис. Юная мать огорчилась тем, что новорожденный совсем не походил на ангелочка, каким она представляла себе своего первенца. Сказывались далекие от действительности институтские понятия о жизни и материнстве. Конечно, и краткосрочные курсы так называемого «домоводства», которые вели эмансипированные фифочки из «новых», образовывали недостаточно, и совершенно не готовили просвещенных дам к такому обилию тревог, забот и бессонных ночей. Щеголевы все же справились с младенцем, и через два года родилась Александра, которую в семье почему-то прозвали Тусей. А где двое там и третий – и еще через четыре года аист принес и Владислава. Дети росли в райских условиях – чудесная природа окружала их, питание было совершенно натуральным, а теплый дом хранил их от зимней стужи. Да и позволено им было все, чего бы они ни пожелали.

После того как старшие дети стали способны разумно воспринимать окружающий мир, и явственно возникла необходимость хоть немного утихомирить озорных сорванцов, к ним приставили гувернантку или, как ее звали домашние – «фрельну», призванную обучить их этикету, светским манерам, немецкому языку и прочим высоким дисциплинам.

А после рождения Владика в дополнение к духовному питанию в доме появилась кормилица по фамилии Кулькова из крутогорских крестьян, которая должна была в буквальном смысле насытить активно растущего младшего карапуза. К Щеголевым она перешла от их дальних родственников Мельгуновых, где так же выкармливала ребенка. После окончания кормления Владика, Кулькова осталась в имении няней при детях. Знать бы наперед, какую роль сыграет семейство Кульковых в судьбе Щеголевых. Впрочем, как могла повлиять добрая женщина на грядущие события...

Да и вообще, хорошо бы знать, что нам готовит судьба в будущем. Но сие нам недоступно. И, наверное, это разумно. Даже трудно представить, как повели бы себя люди, если бы им открылась вся правда...

А. Чехов

«Наше время». №52. 1900 год

Тихий вечер. Снег искристый
Хладным пламенем светился.
Колокольчик серебристый
Детской радостью пролился.

Он пропел, что будет счастье,
Что звезда зажжется снова,
Что наступит век согласия
И Рождение Христово.

А в усадьбе, что над речкой,
Вся семья у елки в сборе.
И рождественские свечки
Засверкали в детском взоре.

Что в грядущем им готовит
Новый век? Какой подарок?
Звездный лучик радость ловит,
Безмятежен и неярок...

И надежда и тревога —
Все возможно в мире этом...
Вьется, вьется вдаль дорога,
Под безмолвным лунным светом.

И никто не догадался,
Что их ждет на самом деле!
Где-то вихрь зарождался
И февральские метели...

ГЛАВА 1

Роллинкорнский магараджа – это одна из тех пантомим, на которых дирекцией цирка Чинизелли время от времени затрачиваются большие денежные средства, масса труда и энергии. Пантомима в трех отделениях, поражает роскошью костюмов, сложностью декораций и очень эффектным огненным фонтаном, в котором нефть, переливаясь с водяной струей, пылает красивыми огненными языками. В пантомиме участвует 250 человек и три оркестра музыки.

«Огонек». №9. 1905 год

Двадцатый век для жителей Песчаного наступил незаметно. Щеголевы его ждали, готовились, предвкушали. А когда часы пробили полночь, ничего неожиданного, грандиозного и не случилось...

А ведь на самом деле в их жизни поменялось многое, и прежде всего, казалось бы, такая мелочь как необычные цифры, два креста – ХХ – в дате. Так и Россия, ничего не заметив, вступила в роковое для себя столетие.

Щеголевы жили себе, поживали, как было заведено и пять, и десять, и сто лет назад. В Песчаном царил мир и покой, и никаких особых перемен не предвиделось. Александр делал ежедневные обходы немалого имения, принимал каких-то просителей, хаживал на охоту. Всегда озабоченная Катя сновала по дому, строгим голосом отдавала распоряжения, а иной раз, уединившись в саду, читала какой-нибудь новейший роман, привезенный с okazji из Москвы. Дети вели себя как все нормальные дети – шумели, шалили и играли с деревенскими ребятами в салочки и в ножички, посему на кухне периодически пропадала кухонная утварь. Зато Дедушка Седа, как близкие стали называть Александра Арсеньевича после рождения детей, был всегда спокоен и благодушен. Он изредка молчаливо появлялся то здесь, то там, одним своим торжественным видом внося сумятицу и в игры детей, и в стройное хозяйство мамы. Домочадцам представлялась жизнь размеренной и предсказуемой, так что они особо и не задумывались об этом.

Да и огромная страна первые годы ХХ-го века по накатанному царем-миротворцем пути, прошла спокойно, но уже к первому критическому году, 1905-му, события стали принимать катастрофический характер. И здесь, отвлекшись от тихого, идиллического бытия Щеголевы, стоит уделить несколько строк более суетным и тревожным перипетиям, происходящим в окружающем мире, ведь эти, еще только-только зарождавшиеся предвестники грозного будущего, коснутся каждого, и они не минуют наше дружное семейство.

Каким-то трагикомическим образом не поделив с великими державами сферы влияния, начиная от азиатской КВЖД и заканчивая европейскими Балканами, Россия получила первую в столетии и первую за последние 30 лет войну с бурно развивающимся азиатским гигантом – Японией.

Правда, как казалось обывателю, все это было очень далеко от цивилизации, и эта война вроде бы не затронула территории страны, если не считать малонаселенный кусок Сахалина и Дальневосточных островов по территории равным таким странам как Голландия или Дания. Тогда, в начале века, японцы зубами вцепились в столь необходимую им землю, и потом, даже через 100 лет после обратного отвоевания Россией этих островов, будут обиженно надувать губы и широко открывать глаза: «Итурупа, Кунасира, Сахалина, наси исконни семли»!

Так что последствия русско-японской войны окажутся чуть ли не самыми продолжительными в истории человечества. Во всяком случае, и к концу ХХ века вопрос «северных территорий» так и не будет разрешен.

Но и это были только цветочки.

Поражение в войне нанесло сокрушительный моральный удар по самолюбию державы, по экономике, а политическая растерянность высших властей России была использована в корыстных и преступных целях собственными гражданами, недовольными итогами войны. Возмутителями спокойствия стали поднимающие голову после пробуждения самознания пролетарии, подстрекаемые международными экстремистами-бомбистами всех мастей, решившими окончательно доконать великую страну. И не прокоммунистические партии, как долго говорили большевики, а именно группы «бомбистов» вершили свое черное дело, так как сформировавшихся демократических или каких-либо других организованных политических сил в России на тот момент просто не было. Это потом большевистские вожди припишут себе и Красную Пресню, и все стихийно-криминальное восстание вообще.

Николай II, начитавшись завещаний Серафима Саровского, умыл руки и, видимо, сказав себе – да пропади все пропадом! – ушел от активных государственных дел в высшие духовные сферы. Там и пребывал, когда нечистоплотные чиновники, почувствовав «волю», стали делить сначала экономический пирог, а потом и политический. За редким исключением (Столыпин, Витте), правители-министры и правители-думцы пеклись исключительно о собственном благе, что хорошо заметно по стенограммам заседаний, как Кабинета министров, так и Думы, а также по сообщениям вездесущей прессы.

Да и малоперспективная и крайне малочисленная РСДРП, сидя во главе с Ульяновым-Лениным в швейцариях и живущая на ворованные, «экспроприированные» товарищами Камо и Джугашвили деньги, мало заботилась о благе русского народа. Иначе как объяснить, что у Владимира Ильича был свой «ленинский» столик в бернском пивбаре, где его обслуживали с Наденькой (или с кем-нибудь другим) по первому разряду, откуда он отнюдь не рвался на баррикады. Зато как хорошо писалось про империокритинизм для простого трудового народа под хорошее немецкое пиво...

А в это время мирные жители под предводительством «provokatora» Гапона ломонулись к царю с петициями, мол, свободы немного демократической бы надо. Ну, там, партий всяких побольше, да выбирать кого-никого шибко хочется, а то все работа да работа, никакой общественно-политической жизни, понимаешь...

Грех ерничать – погибли люди, но это были взрослые ответственные люди, которые знали, на что шли. Не надо представлять январских демонстрантов как бедных, ни в чем не повинных, несчастных жертв, как слепую безмозглую массу, что сделали впоследствии коммунистические историки. Ведь именно эта масса в 17-м и свернула власть, так что ж, они и в этот раз действовали в невменяемом состоянии? Похоже.

Разумные, ответственные люди, а таковыми надо признать граждан России, не будут делать того, что заведомо и бессмысленно опасно, что просто и банально им не выгодно, что им, справным русским людям, просто не по душе. Если же что-то подобное все же происходит, то следует этот акт признать или всеобщим (Всеобщим!) помешательством или действием высших сил, цели которых этим неразумным гражданам и нам, летописцам, неведомы. Конечно, соображения о нравственных человеческих законах подсказывают простые выводы-штампы: царь-убийца, угнетенный народ, жестокая царская охранка и прочая, прочая, но прогнозировать, и тем более анализировать такие стихийные действия, человечество еще не в состоянии. Можно только очень успешно помахать кулаками после драки. Даже климатические катаклизмы, как оказалось, непредсказуемы, а что говорить о процессах несоизмеримо более сложных...

Мирные, не мирные демонстрации, кто provokator и что послужило катализатором – дело темное, но то, что обе стороны перепугались – это факт. И то факт, что те, кто отдавал приказ стрелять в то «кровавое воскресенье» не были идиотами и понимали все последствия этого трагического действия. Ведь, собственно, они защищали отечество от бунтарей. Этот нерешенный вопрос – когда стрелять, а когда не стрелять, еще откликнется России в далеком

будущем. Очевидно, что здесь не было виноватых в прокурорском смысле этого слова, если не говорить о конкретных исполнителях смертоубийства и с той и с другой стороны. Это было стихийное проявление накопленной за время правления Александра III ментальной отрицательной энергии, и критической точкой стал январь 1905 года и все последовавшие за этим события. Как катастрофическая цепная ядерная реакция, силы которой хватило еще на двенадцать и более лет...

А Николай П, как мог отреагировал на нечаянное и непредсказуемое происшествие в своем царстве, о чем сообщила в №4 «Нива» за 1905 год:

«Его Величество Государь Император в среду, 19-го января, осчастливил депутацию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском дворце, в Царском Селе, следующими милостивыми словами:

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашим товарищам. Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей Родины.

Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истиннорусские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага. Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы. Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многого надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежную толпою заявлять Мне о своих нуждах преступно. В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд. Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их. Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благославясь принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет Бог вам в помощь».

Не прибавить, не убавить...

Николай П, умный и добрый человек был действительно деморализован в начале своего правления и, похоже, действительно пророчествами Серафима Саровского, причем, чем дальше, тем больше, по мере подтверждения свершений.

На рубеже веков развелось неисчислимое количество политических партий, социальных движений и литературно-философских течений, которые с остервенелым убеждением доказывали истинность именно их пути развития не только родного государства, но и всего человечества в целом, и категорически отрицавшие монархию. Не стоит все их перечислять – они у современника столетия и так на слуху. Нечто подобное уже было, и опять повторится через век.

Но, НА ВЕРНОЕ, стоит привести на этот счет мнение писателя, пережившего все будущие советские катаклизмы и сформулировавшего свое мнение в разгар предстоящего «застоя». Но его книга вышла только через тридцать лет, когда мнение «инженеров человеческих душ» опять, как при царизме, смогло прозвучать и опять стало чего-то стоить. Итак, вот довольно большая цитата, но из этой песни слов уж точно не выкинешь:

«...Как известно, в последние два века в цивилизованных странах конкурируют между собой только демократия и монархия. После мировой войны и большевистского переворота на монархию навесили массу ярлыков: отжившая форма власти, отсутствие свободы, произвол, мракобесие и тому подобное. Причем подлинной критики монархии, в нашем случае – русского самодержавия как такового, нигде никогда не было.

Что есть монарх? Он обладает всей полнотой власти в государстве и осуществляет ее по единоличному усмотрению. Царя с раннего детства воспитывают лучшие учителя, готовя к государственному правлению. За его спиной – опыт отцов и дедов с их достижениями и ошибками. Монарх последователен, ибо продолжает дела своих предшественников, не претендуя на сиюминутный успех в предвидении грядущих через четыре года выборов. Царя не заботят деньги и награды. Деньги ему не нужны, а наградами распоряжается он сам. Для государства монархия дешевле демократии, хотя бы за счет экономии на бесконечных и бессмысленных выборах. По идее, царь всегда мудрее, опытнее, дальновиднее любого выборного лидера, поскольку мыслит категориями эпох, а не парламентских сроков...»

Так изложил свои логические построения писатель Василий Дмитриевич Звягинцев в конце столетия, пережив все прелести и преимущества социализма и капитализма, тирании и демократии, и Щеголевы, в общем и целом, были с ним согласны. А что может быть сильнее логики?!

Только любовь...

Что касается Щеголевых, то они на всю жизнь сохранили какую-то, похожую на детскую, обиду на Николая Александровича, так легкомысленно бросившего их на произвол судьбы.

Что ж, как в том же будущем напишет поэт: времена не выбирают, в них живут и умирают...

Но вот главная мысль всей этой книги и всего века семьи Щеголевых:

Мы знаем только то, что знаем мы сами и нам неведомы и непонятны соображения и поступки других людей и, тем более, мы не в состоянии постичь деяния тех, кто, волею Господа, стал гораздо значительней и умней нас.

А уж тем паче – судить и обижаться...

Маленький мальчик лежит в детской на своей кроватке под пологом. Он лежит тихо-тихо, боясь пошевелиться. Ведь вокруг него бродят Баба-Яга, Кашей Бессмертный и медведь с деревянной ногой. Если они узнают, где спрятался мальчик, то беды не миновать. Они умчат его в Тридесатое царство, а там не будет ни мамочки, ни нянюшки. Няня ушла в людскую есть гречневую кашу с постным маслом из общей миски, слушать, как рыгает конюх Игнат и говорить о своих семи осьминниках овса и ржи.

Владик строго-настрога наказал няне хорошо подоткнуть полог и скорее возвращаться. Главное, чтобы нигде не осталось ни единой щелочки, а то Кашей наверняка просунет в щелку свою костлявую страшную лапу с острыми когтями и схватит мальчика.

Зимнее утро. Весь дом еще спит. Только в длинном, длинном коридоре, который начинается от спальни родителей и тянется до самого зала, слышатся частные выстрелы. Это в печках сражаются с огненными змеями живущие в дымоходах гномики в бархатных колпачках. Огненные змеи выползают из сосновых поленьев, приносимых со двора Игнатом. Когда в печках темно и тихо, гномики выходят из трубы, водят хороводы и поют свои песенки под завывание ветра и стрекотание сверчков. Но как только они видят Змей-Горынычей, притаившихся в так вкусно пахнущих смолой и морозом дровах, то сразу берутся за свои ружья и поднимают пальбу.

Бедные гномики, думает мальчик, они воюют каждый день, а на войне всем так страшно и больно. А про войну мальчик узнал много плохого, рассматривая ужасные картинки в папиных журналах.

Но вот, к счастью, раздаются тяжелые шаги няни. Мальчик вздыхает с облегчением. Сегодня он спасен от врагов, а завтра положит под подушку свой браунинг. Этот боевой револьвер папа купил в Москве за один рубль, когда Владика возили представлять московским родственникам.

Няня раздвигает полог, улыбается доброй морщинистой улыбкой и при каждом движении ее большая мягкая грудь плавно колышется. Мальчик любит положить щеку и ухо на эту теплую подушку.

После умывания над большим тазом из синего эмалированного кувшина, мальчика ведут здороваться в спальню к папе и маме. Спальня находится рядом с детской. Папа и мама еще в постелях и мальчик забирается на мамину кровать. Ему хочется залезть под одеяло, но мама не позволяет – он уже в ботинках, на нем бархатные штаны. Это правда, он никогда не видел, чтобы в постели лежали в ботинках и бархатных штанах. Интересно знать, почему?!

– Доброе утро, Владюшка – мама всегда первой заговаривает с малышом, пока тот ковыряет носком ботинка пол, – Как спалось, не холодно было?

– Неее... – чуть слышно блеет мальчик, но дальнейших ежедневных вопросов уже не слушает, он смотрит на две интересные штуки, которые стоят на тумбочках у кровати.

Самая занятная штучка – это пепельница с верблюдом и погонщиком. Верблюд держит на спине будочку с коробочкой спичек, причем из-за верблюжьего горба коробочка приоткрыта. А у погонщика на голове чалма, из которой торчит шпинек для свечки. Около них имеется неглубокий колодец, куда бежит вода из родника. Жаль только, что папа бросает в колодец обгорелые спички.

Вторая ценность представляет собой фигурную подставку для часов. Но часов уже нет, от них остался только крючок, прикрепленный к арочке из кусков каменного угля. Впереди рудокоп толкает вагонетку полную угля. Но если потрогать уголь, то оказывается, что это просто крышечка, а в вагонетку мама прячет кольца и серьги, которые снимает на ночь.

В спальне полумрак. Небо немного закрывают старые липы парка, а на окнах, к тому же, висят гардины с занятыми аппликациями. Мальчик уже хорошо знает обстановку спальни и кроме «штучек» там больше ничего особо интересного и нет.

У дивана, стоящего напротив кровати, холодная твердая спинка из красного дерева и на подлокотниках сверху тоже дерево и спинки кресел тоже холодные жесткие, а на плюшевой скатерти на столе неудобно рисовать. Пожалуй, еще одна ценная вещь это стаканчик на столе с зелеными стеклянными шариками. Шарики раньше закатывали в ручки для писания, а теперь не закатывают. На столе мама любит раскладывать пасьянс маленькими картами с красивыми дамами, королями и их сыновьями – валетами. А дочек у них нет. Наверное, королям нужны только храбрые сыновья-солдаты.

– Ну, беги, – через некоторое время говорит мама, – мы будем вставать.

Мальчик возвращается в детскую, там кровати уже накрыты, комната проветрена. Он смотрит в окно, выходящее во двор. Перед ним огромный каретный сарай, где хранится старинная карета, стоят другие экипажи.

Мальчик радостно вспоминает, – в сарае приятно пахнет сеном, лошадьми и бензином. Владик видит, как Игнат входит и выходит, занимаясь упряжью и держа в руках длинный черный лошадиный хвост с кожаной ручкой. Он обмахивает полость и сани, в которых папа поедет по делам.

В дальнем углу сарая скучает «американка» – это как бы шарабан на двух высоких колесах. Папа редко выезжает в этом заграничном экипаже, только в гости – к Урущевым, к Гуле Франку, к Бенкендорфам. Но, конечно, все это не самое интересное. Самое привлекательное – автомобиль. Он желтого цвета и выпущен фирмой «Бенц». Купил его дедушка Седа и подарил папе. Чаще всего на службу папа ездит в автомобиле, а мама всегда боится, что он разобьется или сломается в чистом поле. Жаль, что на автомобиле можно ездить только летом, а зимой нельзя – у него нет полозьев. У машины откидной брезентовый верх, впереди фонари и можно гудеть, нажимая на резиновую грушу. Груша похожа на уже знакомую Владику детскую клизму, но эта – автомобильная – для очень больших детей.

Когда летом все едут на авто в Тюнеж, к бабе Ане Урушевой, папа позволяет Владiku управлять машиной. Но почему-то папа тоже держится за руль. А вот брат Борис управляет без папиных рук. Но мама начинает волноваться и вскрикивать, когда автомобиль вдруг виляет то вправо, то влево. Папа сердится и отбирает у брата руль. Мама и сестра Туся никогда не садятся за руль. Зато дома они крутят швейные машины, а мальчикам крутить не дают. Какая несправедливость!

Все эти размышления прерывает няня, говоря, что пора идти пить чай. Мальчик бежит в зал по коридору мимо девичьей, где хлопчет ключница Егоровна, мимо канцелярии, где работает писмоводитель Иван Дмитриевич, мимо дедушкиного кабинета, в котором слышно звяканье ложек и приглушенный разговор. Дедушка Седа уже очень старенький – ему, наверное, уже сто лет или может быть пятьдесят, он пьет чай у себя и выходит только к обеду.

В зале на столе кипит большой самовар в виде желудя. Белый хлеб нарезан на плято из пальмового дерева. На нем вырезаны незнакомые буквы и Владик знает, что они означают русские слова «хлеб» и «соль». На белой скатерти стоит молочник со сливками, масленка со свежим маслом, а для мальчика в фарфоровых рюмочках приготовлены яйца всмятку. Кусковой сахар насыпан в тяжелую красивую стеклянную сахарницу. Она в виде большого стакана синего цвета с круглыми прозрачными окошечками с нарисованными на них цветами и птицами. Мама сидит за самоваром в начале стола, папа напротив. Мальчик целует родителей, здоровается с Евдокией Лазаревной, по домашнему – Колюсей и усаживается за стол. Няня уходит к себе.

Начинается чаепитие с разговорами.

Вступает папа:

– Сегодня я еду в Мокрый Корь. Вернусь часам к шести.

Мама продолжает:

– На праздники обещали приехать Лидуся и Харкевичи. Нужно какой-нибудь дичи.

– Сейчас охоты нет, – сожалеет папа, – привезем из Каширы от Литкова дичь, от Прозоровой рыбу. Я пошлю приказчика.

Мама подключает к разговору родственницу:

– Евдокия Лазаревна, скоро явятся дети и верх надо получше протапливать.

Евдокия Лазаревна, или Колюся согласно кивает головой. Она делает это осторожно, так как парик, который она носит, может сбиться.

Кончив пить чай, мальчик крестится на красивую блестящую икону Александра Невского, и благодарит родителей.

Пора гулять. Няня уже ждет его с шубейкой в руках. Это поддевочка, крытая черным сукном. Мальчик с опаской оглядывается. Слава Богу, красного кушака нет. Он не хочет походить на ямщика.

Мальчик и няня выходят через черный ход по деревянной лестнице. На площадке перед лестницей устроены лавки и на них стоят пустые кадучки и ведра.

Няня в больших тусклых калошах, одетых на полусапожки, спускается боком, ставя ноги вдоль ступеней. Мальчика это всегда удивляет, и он показывает, как надо ставить ноги, но няня его не слушает и отмахивается.

Сегодня решено пойти к дому управляющего Александра Даниловича, там есть горка, и потом на конюшню поздороваться с выездными лошадьми – Гусаром, Бедуином и Анархистом. Есть еще молодая, норовистая Бесценка, но Владик ее не любит. Анархист – это серая в яблоках лошадь брата и летом Боря ездит на ней верхом.

По двору ходят люди, мама отдает распоряжения по хозяйству. Птичница Катрена Листарова рассказывает ей как она откармливает индюка, насильно запихивая ему в клюв пшеничную кашу, а для аппетита поит его водкою. Матрена сама не прочь выпить и летом балуется водкой, выдаваемой ей для лечения хилых индюшат. Так судачат в девичьей.

Когда мальчик вдоволь накатался с горки, а няня совсем замерзла стоя на месте, они заходят в дом управляющего. Дорогие гости стоят в прихожей на половике, так как няне трудно снимать калоши. Их угощают пирогом с морковью, но няня не дает есть мальчику – скоро обед.

Они подходят к конюшне. Еще издали слышно как лошади переступают на деревянном полу и пофыркивают. Двери конюшни полуоткрыты и в полумраке виднеются крупы лошадей. На стене висят хомуты, вожжи и сбруя. Стоя в дверях, мальчик по очереди окликает Анархиста, Гусара и Бедуина. Лошади косятся блестящими добрыми глазами.

Но пора домой. Обед ровно в час дня – опаздывать нельзя. И вот мальчик с вымытыми руками, причесанный снова идет в зал, где мама уже сидит около тарелки с супом. Ждут дедушку.

Появляется деда Седа. Он в бухарском халате с шелковой голубой подкладкой. Дедушка коротко острижен у него усы и небольшая бородка. Деда Седа раскланивается с мамой и Евдокией Лазаревной, целует внука, отвечает на вопросы о своем здоровье. Владик садится по правую руку от деда.

Сегодня на первое суп с гусяными потрохами и солеными огурцами, потом подают бараньи ребрышки с гречневой кашей, политой вкусным коричневым соусом. Ко второму полагается еще половинка моченого яблока. На третье мама раскладывает на десертные тарелочки по дольке миндального бланманже. Оно белое прохладное и колыхается как нянина грудь. Дедушке ставят чай в серебряном подстаканнике. Из буфета приносят вишневое варенье и бисквит.

Дед после обеда благодушен и решает «ущемить нос» современным всезнайкам:

– Милостивые государи, – обращается деда Седа ко всем, но скорее к сыну, – не изволите ли ответить на простой вопрос в котором, по моему мнению, содержится вся так называемая ваша правда мироздания?

Катя звенит серебряной ложечкой, призывая к всеобщему вниманию и к решению за десертом столь насущного вопроса.

Знала бы мама Катя, что ответ на этот вопрос пройдет страшным ураганом по ее жизни сегодня еще такой милой и безоблачной...

– Так вот, дорогие мои, дети – и ты, Владик, тоже усиленно думай, какая вещь одновременно самая длинная и самая короткая? Самая быстрая и самая медленная? Самая раздробленная и самая протяженная? Наиболее пренебрегаемая и наиболее ценимая? Без нее не может ничего произойти! Эта вещь пожирает все что видит и дает жизнь всему существу!

За столом наступило оживление, все предлагали свои ответы: «фортуна», «земля», «воздух», «свет».

Дед был доволен, он посмеивался себе в усы, но, вскоре, призвал всех к вниманию. Торжественно встав и чуть склонившись ко всем, он сказал:

– Это ВРЕМЯ!

И прибавил:

– Нет ничего длиннее его, потому что оно является мерой вечности; нет ничего короче его, потому что его не хватает на все наши начинания; нет ничего медленнее его, когда оно тянется; нет ничего быстрее его для тех, кто спешит; оно простирается до бесконечности в большом, оно делится до бесконечности в малом – все люди им пренебрегают и все сожалеют о его потере! Ничто не происходит без его участия, оно предаст забвению все, что не достойно сохраниться для будущего, и делает бессмертными великие дела!

Наступила пауза и все, от мала до велика, почему-то переглянулись и передернули плечами, будто их коснулось ледяное прикосновение Вечности.

Даже Владик притих и чуть не заплакал. Но мама прижала его к себе, и что-то ласковое сказала ему на ушко.

Что же внесло такое смятение? Ответ на какой-то несущественный вопрос?

А дедушка, преисполненный величия, в своем восточном халате степенно уселся на свое место и оглядел всех: вот так-то! Что он этим хотел сказать, никто тогда не понял. Но скоро само Время ответило за него.

А сейчас тревога сразу забылась, и дед, находясь в ударе, уже рассказывает о событиях на германской войне, слышатся названия фронтов, имена генералов, а имя главнокомандующего – великого князя Николая Николаевича, упоминается так, будто дедушка с ним знаком запросто и вот намерен вместе ходили на Коровинские плесы на рыбалку. Владике эти рассказы страшно интересны и он запомнил фамилию генерала Жоффра, имя короля Леопольда. Дедушка чрезвычайно огорчен неудачами на фронте и наступлением немцев.

Невольно и мальчик поддается тревоге и думает, что скоро можно будет ждать врагов у нас во дворе. Тогда придется сражаться с ними, как сражаются со змеями гномики, и убивать их из его игрушечного браунинга. Жаль, что у него нет ружья.

Белоснежная колоннада Графской пристани сохраняла свою торжественную парадность, несмотря на копоть и следы от разрывов бомб. Поручик Щеголев с болью смотрел на руины еще совсем недавно прекрасного города, но «*a la guerre come a la guerre*», да и было просто некогда особо предаваться унынию. Англо-французский флот стоял на рейде и непрерывно обстреливал Севастополь, а войска лорда Рагана уже взяли Альму. К 1854 году Крымская война уже разгорелась не на шутку. Войска союзников, не ожидавшие серьезного сопротивления малочисленной русской армии, но неожиданно встретив ожесточенное сопротивление, пошли ва-банк.

Со стороны северной части Севастополя, где находилась батарея Александра Арсеньевича Щеголева, город был почти не виден из-за дыма пожарищ, многочисленных взрывов от стреляющих русских пушек и от падающих неприятельских снарядов. И весь этот страшный театр – Севастопольскую бухту, город и окружающие горы покрывал сверху давящим куполом неясный, но зловещий гул, подобный рокоту разбуженного вулкана.

Благословенный Крым на свое несчастье в очередной раз явился яблоком раздора великих держав. Поручик Щеголев, являясь строевым офицером и знатоком российской истории, хорошо понимал что как и сегодня, так и в будущем, берегам Тавриды суждена беспокойная жизнь из-за своего стратегического положения, а также из-за вожделенной сказочной красоты и плодородства этого российского полуострова. Он мог понять и объяснить для себя мотивы, двигающие европейскими государствами-членами коалиции, но вот вероломное поведение Северо-Американских Соединенных Штатов – молодой республики, которой Россия когда-то одной из первых протянула руку помощи, он не мог постичь и считал бесчестным. Секретные донесения, к которым поручик имел доступ, сообщали о финансировании неприятеля американцами и об их интересах к получению дешевых концессий в поверженной России.

Ну какие интересы у заокеанского государства могут быть на другой стороне света? Но эти размышления посещали Щеголева в короткие моменты передышки, в разговорах с офицерами штаба иногда можно было высказаться на отвлеченные от боевых действий темы.

Поручик и представить себе не мог, насколько распространятся интересы этой заокеанской страны уже в следующем столетии и как бессовестно они будут претворяться в жизнь. Первый звонок для всего мира прозвенел, но его мало кто услышал.

Здесь же, на Северной стороне Севастополя, на редутах под грохот пальбы, Щеголев на почве «стратегических» размышлений сошелся с молодым офицером, графом Львом Толстым, не предполагая однако, что перед ним будущий великий писатель и что вскорости они будут жить поблизости друг от друга в Тульской губернии, поддерживая знакомство на поприще общественных дел. Лев Николаевич сподвиг Щеголева на покупку имения поблизости от своего родового гнезда – Ясной поляны, и они, молодые офицеры, предвкушали свои совместные мирные чаепития и вечерние философические беседы...

Но сегодня еще предстояли дела далеко не мирные – по всей видимости, англичане готовились к решительному штурму. Батарея Щеголева, находившаяся на возвышенности у местечка Уч-куй на левом берегу крымской речки Бельбек, была почти полностью разрушена. Неприятель подбирался все ближе и ближе, и уже были видны красные мундиры английских солдат. Последняя русская пушка еще изрыгала дым и пламень, но все понимали, что это конец, и следующий снаряд или пуля уж точно будут по их души...

– Что может нас уберечь от неминуемой гибели, чудо?! – этот вопрос как тяжелая черная туча висел над всеми.

Но для поручика спасение пришло! Оглушительно рванула бомба у лафета, и взрывной волной Щеголева отбросило за бруствер.

– Вот и все, Господи... Прими... – успел прошептать Александр и провалился в бездонную пропасть. Небо сомкнулось, свет угас вместе с сознанием. Осколок бомбы, положившей чуть ли не всех оставшихся в живых, пронзил Щеголева насквозь, но спас от смерти безвозвратной.

А русский город Севастополь, теряя каждую минуту десятки человеческих жизней, обогряя море кровавыми пожарами и сгорая живьем, продержался еще почти год. Ему еще предстоит в грядущем пережить и более страшное разорение, выстоять и выжить, в отличие от своего древнего предка славного города Херсонеса Таврического, павшего когда-то под натиском всего лишь первобытной татарской орды...

Все это частенько рассказывал дедушка Александр Арсеньевич в семейном кругу, прибавляя к своему увлекательному повествованию шумовые эффекты и широкие жесты, демонстрируя размах шеренг при атаке кирасиров в пешем строю.

Подав в отставку после ранения, Щеголев, благодаря своим замечательным человеческим качествам, а также преумноженным родительским капиталам и лихому боевому прошлому, стал одним из самых важных и уважаемых людей не только во всем Крутогорье и его окрестностях, но и, пожалуй, во всей губернии. А такое задаром не дается, и даже маленький Владик понимал, что уважение надо еще и уберечь своим хорошим поведением.

От севастопольского времени сохранились две реликвии – пожелтевшая фотография совсем молодого дедушки в военном мундире и шкатулка-нессесер, пережившая не только своих хозяев, но и весь XX-й век.

Нессесер молодой поручик возил повсюду с собой, так как в нем заключался набор самих наименее необходимых предметов для офицера в бою: хрустальные флаконы с духами и одеколоном, спиртовка, употребляемая при завивке усов, крючки с ручками из слоновой кости, которыми натягивали сапоги. Граненые флаконы, дробящие свет на тысячи искр и вещицы из слоновой кости, отполированные руками деда, являлись свидетелями больших событий в жизни России, когда-то они внимали грохоту войны 1812-го года, стонам раненых и кликам прославленных полководцев, а потом и крымским сражениям. На крышке шкатулки-нессесера, имеется пластинка с фамилией деда. Куплена была шкатулка в Москве в незапамятные времена, но изготовлена все в той же воинственной Англии.

Семейство Щеголевых происходит из рязанских старожилов, но Александр Арсеньевич и его брат, после смерти родителей продали рязанское имение Перевиц, и дед по совету сановного друга на свою долю наследства купил имение в Тульской губернии, недалеко от Каширы на притоке реки Осетр. Ему видно приглянулась жирная земля, река, хороший лес, просторный дом екатерининских времен и большой липовый парк.

В свой новоприобретенный дом Щеголев ввел жену родом из Табуевых. Ее звали Александрой Алексеевной и она очень рано умерла. Когда Владик подносил ко рту чайную или столовую ложку с монограммой «АТ», то вспоминал бабушку, так благожелательно напоминающую о себе, хотя внуки ее никогда и не видели. Это столовое серебро она получила в приданое, а младшим Щеголевым оно досталось по наследству.

В новом доме родились все дети – сын Александр, отец Владика и дочери Екатерина, Варвара, Елизавета и Людмила.

После того как сын Александра Арсеньевича – Саша подрос, его определили в Московский Кадетский корпус для того, чтобы мальчик получил мужское воспитание, которого он не имел в кругу сестер. Дед, вероятно, помнил тяготы и лишения, выпавшие на его долю во время войны, и опасался, что они могут достаться и его наследнику. Но если бы он только знал, что его сыну придется пережить такие мучения и испытания, по сравнению с которыми его военные невзгоды будут казаться детской игрой!

По великим дням в Кадетский корпус приезжал император Александр III, и кадеты в его честь кричали, «ура». Молодые люди обожали императора, но то было детское увлечение, так как Александр III не прославил себя боевыми победами, а его миротворчество не импонировало будущим офицерам. От кадетского корпуса у Александра-младшего остались сумбурные воспоминания, но иногда в его рассказах всплывали некоторые пикантные подробности кадетских приключений и Александр Александрович, спохватившись, смущенно отводил глаза. Вспоминал он и учителя немецкого языка, заставлявшего их говорить «ейн, цвей, дрей», а не айн, цвай, драй, как учат теперь. Учитель объяснял, что его произношение – истинно прусское. Может быть, это кому-то из выпускников и пригодилось в жизни. . .

На каникулах Щеголев возвращался в отчий дом и мог командовать своими сестрами, как командовали им «дядьки» в корпусе. Тетя Лиза иной раз вспоминала, как брат на вакациях гонялся за сестрами со своим крепким кадетским ремнем, когда они его «заводили». Александр Александрович, покручивая свои уже поседевшие усы, посмеивался и старался замять разговор, уверяя, что не припоминает такого случая.

После корпуса Щеголев-младший окончил Московский университет, чуть ли не экстерном и стал почти безвыездно жить с отцом в Песчаном. Постепенно к нему переходило руководство всем обширным хозяйством.

Тем не менее, Александр Арсеньевич оставался главой Щеголевского Дома. Крупное состояние, авторитет в губернии позволяли ему без особых усилий почивать на лаврах Патриарха семейства. Его сметливый ум и деятельность до глубокой старости часто выручали молодых Щеголевых, да и деньги деда играли свою немаловажную роль.

В семье неотчетливо ходила легенда, которую слышал даже Владик, о том, что практичный дедушка вместо Земского банка припрятал «несметные сокровища на черный день» где-то в парке. Однако старший Щеголев никогда не подтверждал, но и не опровергал загадочной истории, а только по этому поводу посмеивался. Но наличные деньги и кое-какие драгоценные украшения волшебным образом появлялись в доме невесть откуда.

Александр Арсеньевич до самой кончины занимался общественной деятельностью и сохранил интерес к жизни, к мировым событиям, к появляющимся новинкам техники. Он выписывал несколько газет и журналов весьма и весьма либерального направления. Дедушка первым в губернии приобрел автомобиль, тогда еще большую редкость. Автомобиль походил скорее на тарантас, не имел верха, а руль у него был почти как у велосипеда. Это чудо техники выпускалось тогда американской фирмой «Олдсмобиль», а данная странная модель называлась «Дэш». С появлением более совершенных, комфортабельных и элегантных машин, дед ликвидировал старый автомобиль и приобрел «Бенц – 20/35 Фаэтон», казавшийся домочадцам верхом совершенства.

С изобретением фонографа Щеголев-старший тут же получил и эту новинку, причем, непосредственно от Эдисона, и гости записывали на восковой валик свои голоса, а потом слушали их, ахая и удивляясь. Вслед за фонографом в доме появился граммофон с огромной трубой и множеством пластинок. И граммофон и пластинки имели марку немецкой фирмы «Юлий Генрих Циммерман». Российским промышленникам такая чудодейственная механика была еще не по плечу.

Александр Арсеньевич Щеголев держал ухо востро в отношении прогресса, и после того как братья Люмьеры изобрели синематограф, в Песчаное, чуть ли не раньше Высочайшего Двора, доставили проекционный киноаппарат фирмы «Пате». В доме электричества еще не имелось, и аппарат приводился в движение ручкой, которая одновременно вращала динамомашину, дающую свет. Фильмы проектировались на большой переносной полотняный экран, устанавливаемый в зале.

Домашний синематограф очень нравился гостям и являлся для них всегда большой неожиданностью. На киносеансы по праздникам приглашали крестьян и ребятишек. Ребята просто немели, а порой пугались, когда на стене появлялись ожившие картины и творились всякие чудеса. Мужики украдкой крестились, но держались бодро и уверенно – и не такое видали! Эти демонстрации имели грандиозный успех и в гораздо большей степени, чем рачительное управление хозяйством, прибавляли уважения к Щеголевым у крутогорских крестьян.

Конечно, Щеголевы не могли обойтись без музыкальных инструментов, и кроме рояля, имелась фисгармония, а в последние годы жизни деда в зале появился еще орган-иолиан, так же носящий марку прославленной фирмы Циммермана.

Иолиан имел клавиатуру, похожую на органную, над которой возвышались оловянные трубы. Но можно было слушать и «механическую» музыку, закладывая в него бумажные валики со сложной перфорацией. При этом исполнителю требовалось только работать ногами, накачивая меха. Но никто не помнит, чтобы впоследствии, после смерти Александра Арсеньевича, из органа-иолиана прозвучало хотя бы одно полное механическое произведение. Обычно слышались только нестройные аккорды или отдельные свистки. Видно старый Щеголев любил органную музыку больше, чем родители Владика. А когда-то здесь давал концерты заезжий органист. Концертам вместе с гостями внимали Вольтер и Петр I, бюсты которых украшали зал. В дедовские времена парадное помещение видало широчайшие приемы.

У старого Щеголева был брат Аполлон, по рассказам непутевый и пустой человек, женатый на Евдокии Лазаревне, в молодости блиставшей красотой. Но красота не помогла удержать непутевого мужа, и с горя, от несчастливой жизни Евдокия Лазаревна однажды попыталась отравиться. Ее спасли, но она... облысела. С тех пор несчастная жена носила парик с валиком впереди и с большим пучком на макушке.

После смерти мужа Евдокия поселилась в Песчаном, так как осталась без средств. Аполлон, полученное наследство быстро спустил, не последовав примеру брата умножившего свою долю выгодно поместив деньги в ценные бумаги. В имении Евдокия Лазаревна стала присматривать за старшими детьми, которые и стали называть ее Колюсей.

По поводу парика дедушка на чаепитиях иногда подтрунивает:

– Чудо, да и только. Все седеют, я уже совсем белый, одна Евдокия Лазаревна у нас чернеет.

Колюся поджимает губы и ничего не отвечает. Все сидят, сдерживая улыбки.

В начале 1916 года дедушка Щеголев скончался, его похоронили в семейном склепе около крутогорской церкви. Вскоре за ним, как верная и благодарная невестка, последовала и Евдокия Лазаревна.

Закончилась жизнь доброго старого отца семейства.

И во время, если так можно говорить о смерти. Смог бы пережить старый Щеголев разор родного дома и мытарства некогда славной и счастливой семьи?

(рассказывает Владислав Щеголев)

После смерти моего дедушки, вдруг яснее обозначилась таинственная фигура женщины с его половины. Ее звали Аксиньей, она была уже не молода, но черты лица еще хранили былую привлекательность.

Я удивился, когда, зайдя в опустевший кабинет деда, увидел ее поутру в слезах, выходящей из дедушкиной спальни уже после его похорон. Я подумал, что она делает здесь теперь, и спросил ее:

– Аксинья, ты ночевала у дедушки в спальне?

Аксинья промолчала, но я повторил вопрос. Она нехотя кивнула. Тут появилась мама, и между Аксиньей и ею произошел крупный разговор, из которого я понял, что Аксинье теперь здесь не место. Но Аксинья в разговоре не очень тушевалась и возражала, что ей надо собраться, что она одна выхаживала «его» и вот такова теперь благодарность молодых хозяев.

Кого она умела в виду, тогда я не понял. В другой раз я услышал разговор между родителями, в котором сквозила тревога за «его» шубы. Папа успокаивал маму, уверяя, что шубы «она» не возьмет. Но справедливее было бы отдать тогда шубы «ей» – Аксинье, потому что потом в трудные двадцатые годы их просто украли. Еще я узнал, что дедушка построил Аксинье хороший дом в Крутогорье.

Конечно, дедушка, оставшись вдовцом, нуждался в женской заботе и уходе, которые ему не могли предоставить дочери, разлетевшиеся из гнезда. Он нашел приглянувшуюся ему женщину-крестьянку, которая откликнулась на его нужды и они стали жить, держась в стороне от других обитателей дома. Своим участием в дедушкиной судьбе Аксинья все же завоевала свое право на присутствие в доме, пусть и не родственное.

Но вскоре после смерти деда, она тихо ушла, не дав разгореться возможному конфликту и не найдя никакой поддержки в нашем большом доме...

Роль Аксиньи не исчерпывалась только обслуживанием дедушки, она являлась связующим звеном между местными крестьянами и хозяином имения. Через нее старый Щеголев находился в курсе всех событий в ближних деревнях, знал об их нуждах и бедах. Свидетельством тому служило устройство им в Песчаном импровизированной аптеки.

В прихожей, которая соединялась через спальню с кабинетом, где дед принимал посетителей, имелся большой шкаф темного дерева, какие видимо стояли в тогдашних провизорских, с множеством дверок и ящичков с лекарствами. Нехитрые пилюли и порошки выдавалась бесплатно. Конечно, не имея медицинского образования, Щеголев мог рекомендовать только общеизвестные медикаменты – аспирин, хину, салол, йод.

Но постепенно лечебный опыт накапливался, и известность доморощенного лекаря росла. Он был весьма обескуражен, когда к нему стали приезжать дальние пациенты. Дед отнекивался, не принимал, шумел, направлял к земским врачам, но отказы не останавливали потока жаждущих исцеления. Нечаянному целителю приходилось читать медицинские пособия, чтобы своими лекарствами хотя бы не причинять вреда. Слухи о гуманной помощи и бесплатной аптеке Щеголева дошли до земства и ему вынесли благодарность за «общественно-полезную деятельность». Правда, при обсуждении формулы благодарности высказывались опасения, что упоминание о врачебной помощи вызовет со стороны официальных учреждений обвинение в знахарстве.

Со смертью деда «врачебная практика» прекратилась. Александр Александрович только изредка, после длительных уговоров выдавал посторонним что-либо из аптеки. Мой отец лучше знал законы, карающие за лечебную практику без разрешения. Но деревенская нехитрая аптека широко использовалась для собственных нужд, когда дети заболели простудой или страдали желудком. Запаса элементарных лекарств хватило на несколько лет и, когда в разруху достать их стало невозможно, дедушкины снадобья помогли нам выжить.

В грядущие голодные двадцатые годы мы ели хлеб из необмолоченного овса, колючий, сырой и тяжелый как камень и у меня часто болел живот. Тогда и я получал салол из дедовской аптеки.

Добрый и дальновидный старик словно протягивал нам руку помощи даже из могилы.

Как всегда после обеда к мальчику приходит Атсютка, это девочка 6—7 лет – внучка ключницы Егоровны и дочь поварихи. У Владика нет товарищей, таких же мальчиков, как он сам и, конечно, ему скучно. А девочке не интересно скакать на деревянной лошади, палить из пистолета и изображать разбойников.

Поэтому приходится играть в «путешествие в карете». Из нескольких стульев и большого пледа соорудили карету, посадили в нее «детей»: плюшевых зайца и медведя, захватили много всякой «еды» и поехали на паре лошадей в далекие страны.

Мальчик сидит на козлах с пистолетом и стреляет во врагов. Вечером на закате останавливаются, кормят «детей» и ложатся спать, Ночью при луне нападают тигры и мальчик палит в них, а когда кончаются пули, бросает им остатки еды. Тигры все съедают и уходят в темный лес. Теперь звери сыты и экспедиция спасена.

Во время самого страшного сражения, когда тигры опять наступают уже со всех сторон, няня некстати приносит какао и печенье. Пока Атсютка с револьвером в руках отражает атаку, мальчик, отнекиваясь и оглядываясь на поле сражения, выпивает полчашки и съедает пару печений. Остальное он просит отдать Атсютке. Няня возражает, но мальчик уже слез со стула и спешит на смену своему верному другу. «Верный друг» с удовольствием допивает какао и доедает печенье. Ей бы каждый день такое сражение с заморской какавой и сладкими кружочками.

Ах, Атсютка, Атсютка, юная наперсница, где ты сейчас и вспоминаешь ли когда-нибудь часы, проведенные с Владиком?!

Близится вечер, за окном темнеет и Атсютку отправляют в поварскую к матери. Мальчику приносят персональный ужин в детскую потому что все ужинают в девять часов, когда он уже должен спать. Мальчик нехотя ест под уговоры няни. Он упрашивает ее доесть жареный картофель и кусочки гуся. Он не может допить и свое молоко. Няня, ворча, понемножку все подбирает и допивает.

Когда мальчик уже в постельке, проститься с ним приходят папа и мама. Заходит и дедушка. Мама крестит сына, целует и желает ему покойной ночи и приятных сновидений.

Мальчик вдогонку родителям несколько раз кричит:

– Спокойной ночи! Спокойной ночи! – и они откликаются уже из коридора:

– Спи спокойно, Владюшка...

Морозная ночь. Изредка где-то пролают собаки, зашуршит мышь за стенкой, гуднет ветер, залетевший в трубу.

Храните покой и мир, добрые люди – это уже последние тихие ночи и дни. Скоро вы навсегда забудете про безмятежный сон...

ГЛАВА 2

Через Вильну в санитарном поезде проехал вольноопределяющийся Макаров, бывший гимназист пермской гимназии, награжденный Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени, которые он получил за следующий подвиг. Макаров переделался в германскую форму и отправился в деревню, занятую неприятелем.

Владея с детства немецким языком, опросил жителей, где находится немецкая артиллерия, высмотрел в бинокль указанное одним фермером место расположения немецкой артиллерии, срисовал план местности и ускакал к своей части, захватив из цейхгауза провианта и четыре немецких офицерских шинели. Макаров с переодетыми в немецкую форменную одежду товарищами отправился обратно, и при помощи подоспевших казаков им удалось захватить три неприятельских орудия.

(рассказывает Владислав Щеголев)

При молодом хозяине жизнь в Песчанке стала спокойнее и несколько скромнее, приемы сократились, близкое знакомство поддерживалось только с соседями и ближайшими родственниками. К таким посещаемым соседям относились, прежде всего, Урущевы из Тюнежа, так поспособствовавших счастливому браку Александра и Екатерины, а ближайшими родственниками были тетки со стороны отца, которые тоже имели несколько детей, иногда приезжающих на праздники в Песчаное. У тети Кати Харкевич были две девочки Наташа и Катя, у тети Лизы Бобыниной – Таня и Володя, от тети Вари Бирюлевой к нам наезжала Лидуся, которая была очень близка семье Щеголевых. Харкевичи в те времена жили в Москве, а Бирюлевы в Старом Осколе.

В «Песчанку» часто наведывались и родственники Мельгуновы, являвшимися внучатыми племянниками дедушки Седы. Сергей Петрович Мельгунов, занимавшийся общественной деятельностью на ниве публицистики, подолгу беседовал с дедом в его кабинете. Мельгуновы жили в Москве и имели дом в Кашире, поэтому в свои приезды в загородную усадьбу, обязательно навещали Щеголевых.

Со стороны мамы из близких родственников у Щеголевых имелась одна тетька – Варвара Константиновна, как мы ее звали – тетька Вава и дедушка Константин Лукич Джалий. Бабушка, его жена, приходящаяся сестрой Анне Урущевой из Тюнежа, не появлялась потому, что после безвременной смерти двух сыновей – Николая, умершего от менингита и Алексея, покончившего с собой, долго лежала разбитая параличом.

Алексей Джалий не смог перенести уход от него молодой и красивой жены, урожденной княгини Шаховской. Дядя Леля, как мы звали Алексея, всегда имел всклокоченную внешность, которая говорила о порывистой, страстной натуре. Его черные курчавые волосы красиво обрамляли лицо и делали похожим на поэта или художника. Он был бедный студент, и княгиня предпочла ему некоего Фон Вакано, владевшего пивоваренными заводами в Самаре. Вполне возможно, что Фон был хорошим человеком, но последовавшие трагические события, опустили тень на всю их дальнейшую жизнь.

После официального развода, однажды придя на квартиру к родителям, Алексей пустил себе пулю в лоб. На столе осталась записка:

«Я не могу жить без Нади...»

Константин Лукич после страшной развязки стал совсем белым, а бабушка слегла, чтобы уже не встать.

У Алексея и Надежды к моменту развода уже был сын Юрий, который стал жить с отчимом Фон Вакано. Пока был жив, Алексей Константинович постоянно пытался оставить сына у себя, о чем хлопотал и дедушка, но деньги пивовара помогли решить дело в пользу неверной жены.

Будучи студентом московского университета Алексей Джалий участвовал в революционных кружках, и за вольнодумство его выслали в Каширу. После долгих хлопот отца – видного инженера, ему разрешили вернуться в Москву, где все и завершилось самоубийством.

Таким образом, злополучная Кашира, недалеко от которой расположен Тюнеж, явилась звеном в цепи событий, приведших к знакомству моих будущих родителей и их женитьбе. Семья деда Константина Лукича, бывая в Кашире у изгнанника Алексея, одновременно посещала и Тюнеж.

Время шло своим чередом, горе и радости сменяли друг друга, сменялись и окружающие люди...

В семье недолго подвизалась некая француженка, которая должна была обучать детей языку, принятому в русских гостиных. Но жизнь в деревне парижанке показалась несносной, и она сбежала, на прощанье, посетовав хозяйке:

– Мсье совсем не умеет ухаживать.

Хозяйка фыркнула от возмущения, и, развернувшись, молча покинула незадачливую француженку.

По всей видимости, пикантная иностранка стремилась играть в домах своих нанимателей несколько ролей. Но семьянин Щеголев-младший был удивительно верным супругом, чему окрестные красотики дивились, судачили без толку и о чем, видимо, сожалели. Когда Александр на своей выездной лошади, прекрасном темно-гнедом Бедуине проносился по деревне, то девки и молодухи долго глядели во след, любуясь его посадкой, красивой шевелюрой, аккуратными усиками и бородкой, которые так шли к его тонкому, правильному лицу. Матрена Листарова, знавшая все деревенские новости, уныло замолкала, когда заходила речь о «похождениях» хозяина в деревне. Ничего интересного она сообщить не могла.

Пока у нас была фрелъна и няня Кулькова жила со мной, я мало общался со старшими детьми. Во-первых, потому, что после поступления в реальное училище, брат стал жить в Кашире у Веры Романовны Цуриковой, начальницы каширской гимназии, а сестра на всю зиму отправлялась в Москву, в институт, помещающийся на Девичьем Поле.

Брат и сестра появлялись только на вакациях, но и тогда мало со мной занимались, так как я был еще совсем карапузом. У них имелись свои «взрослые» забавы – гимнастические снаряды, качели, канат для лазания, вертикальный шест, кольца. Им разрешалось одним ездить на лошадях, они бывали в гостях, сами принимали сверстников. Меня, конечно, всегда старались отшить, ведь я тормозил их мероприятия. Моим обществом оставалась няня и верная Атютка, для которой мои забавы стали и ее забавами.

У мамы на руках находилось громоздкое хозяйство, которое отвлекало ее от младшего сына, еще требующего неусыпного присмотра и порой старшим детям все же приходилось заниматься со мной.

Я наблюдал за делами старших: они лили свинец, препарировали мышей, занимались на гимнастических снарядах, варили обед на игрушечной кухне, не обращая на меня никакого внимания, и мне приходилось делать собственные выводы о равноправии, справедливости и мироустройстве.

Для приезжих московских детей многие забавы деревенской жизни казались страшными и дикими. Девочки Харкевичи с ужасом взирали как Боря и Туся с гиканьем качались на качелях, взлетая выше перекладины, взбирались на верхний брус гимнастических снарядов. Городские боялись не только сесть на лошадь, но даже подойти к ней, в то время как Боря бесстрашно скакал на резвом Анархисте.

Качели, лошади, гимнастика были предоставлены Боре и Тусе по настоянию дедушки, понимающего, что в деревне нельзя растить белоручек и неженков, вопреки опасениям мамы, привыкшей к городскому образу жизни.

Примерно в 1916 году у нас стал часто появляться новый человек – Сергей Дмитриевич Воскресенский. Его визиты не остались без внимания, и вскоре он женился на тете Ваве Джалий. Бракосочетание совершалось в нашем крутогорском храме, а прием происходил в обширном Щеголевском доме.

Сергей Дмитриевич всем imponировал своим высоким ростом и гордой осанкой и, конечно, военной формой с блестящими шпорами. Предполагалось, что присутствие шпор должно компенсировать отсутствие высоких знаков различия – служил он рядовым военным лекарем. Еще Воскресенский слегка занимался живописью и приезжал в Песчаное с ящиком для этюдов и набором красок. Лекарь любил писать красные рябины и печальные плакучие ивы.

Так как я слыл способным к рисованию, то его попросили испытать мои таланты.

Экзаменатор усадил меня, достал ящик с красками, кусочек полотна и спросил меня, бочком притулившись у окна в мезонине:

– Что ты хочешь нарисовать?

– Домик.

– Хорошо, нарисуй его сначала карандашом.

Я изобразил кривобокий домик.

– Какого цвета ты сделаешь крышу?

– Синей.

– А сам домик?

– Синим.

– Но ведь нельзя же делать и крышу и стены одного цвета. Нарисуй крышу зеленой.

Учитель развел немного зеленой и синей краски. Я неловко и неумело помазал полотно. Я чувствовал себя не очень уверенно. Урок «большого мастера» не зажег в малолетнем ученике ни малейшей творческой искры. Я мазал свою картину примерно с таким же вдохновеньем, с каким конюх Игнат мазал дегтем колесные оси.

Мама, посмотрев на мое произведение, спросила у экзаменатора о моих успехах.

– Пока судить о способностях трудно, – с достоинством ответил Сергей Дмитриевич и вежливо прибавил:

– Думаю, что со временем...

А со временем у нас появился маленький Дима, сын художественного военлекаря и тети Вавы. Но как это ни странно, после появления Димы исчез его папа.

В пересудах окружающих об этой семье, я стал улавливать часто повторяющееся слово «развод». Тогда я еще не знал этого слова знакомого теперь и старым и малым, получившего распространение как следствие новых социальных порядков.

При разговоре о неудачном браке тети Вавы с Воскресенским, мама упомянула как-то, что ее сестра всегда пользовалась успехом среди молодых людей с серьезными намерениями, так как слыла не глупой, начитанной и пригожей особой. Среди соискателей ее руки некоторое время находился один из внуков А. С. Пушкина – Константин. Он сделал ей официальное предложение, но после зрелых размышлений его отвергли, как родственники невесты, так и сама избранница. Дело было в том, что именитый внук, не унаследовав литературных способностей деда, полностью унаследовал его любовь к широкому образу жизни, чтобы не сказать больше. Ведь и Джалиям были известны тысячные проигрыши в карты великого поэта, которые он опрометчиво совершал даже будучи стесненным в средствах и имея многочисленное семейство.

Так расстроилось возможное родство с громкой фамилией. Правда фамилия теперь славила лишь единственным качеством...

Наш дом в Песчаном достоин отдельного рассказа. Со времен прадеда, располагавшего значительными средствами и кипучей энергией, дом Щеголевых стал известен своими приемами и хлебосольством.

Сначала заезжала проведать соседей местная тульская знать, а вскоре у нас можно было встретить и московских гостей, которые приезжали уже основательно, всей семьей и не на один день. Да и то сказать – путь из Москвы не близкий: поездом до Каширы часов пять-шесть и на бричке еще верст 30. Позже, когда в семье появился автомобиль, гостей встречал сам дед или отец прямо на станции и с риском для жизни, но торжественно, с охами-ахами и треском, привозил в усадьбу.

В нашем гостеприимном доме я иногда наткался на совершенно незнакомых людей, которые все как один трепали меня по голове, и интересовались моими маленькими делами. Поначалу я, как воспитанный мальчик рассказывал о своих «делах», но потом все же самостоятельно догадался, что вдаваться в подробности совсем необязательно. И отвечать перестал, а только улыбался и старался не попадаться под руку.

Дом строился, вероятно, в середине или в конце восемнадцатого века. Архитектор умело поставил его на вершине горы, обращенной своим покатым склоном к небольшой речке, притоку Осетра. Дом не блистал помпезностью, но был удобен и, по-своему, красив. Кирпичное здание было оштукатурено и окрашено в белый цвет. Центральная часть имела два этажа, крылья по одному. В крыльях располагались: зало-столовая и прихожая, а по другую сторону – спальня родителей, детская и канцелярия.

Центральная часть заключала большую гостиную и примерно такой же по площади дедушкин кабинет. Со стороны парка находился открытый балкон, огороженный балюстрадой и колоннами, по которым вилась зелень.

Уже давно нет отчего дома – он, после вынужденного отъезда Щеголевых, поначалу никак не использовался, а потом, при утвердившейся новой власти, и вовсе был стерт с лица земли, глупо и бездарно растащен на дрова. Наверное, столь заметное, в прямом смысле этого слова, благородное сооружение являлось ненавистным символом «мира насилия», но скорее было слишком неприятным укором для крутогорских крестьян...

Верховодили в черном деле всеобщего уничтожения всякие горлопаны и проходимцы – дезертиры, предатели России, бежавшие с фронтов войны, почувствовавшие возможность мародерства и легкой поживы в своей собственной стране. На родине, при поддержке новой власти они вели себя нагло, не боясь вражеской пули или удара сабли по шее в ответ на свои злодеяния.

Жутко представить себе сегодня, на рубеже следующего века, нетрезвых и неграмотных мужиков с оружием в руках, ломящихся в твой дом, разрушающих твою жизнь и, походя, сжигающих твои вещи, книги и семейные альбомы с фотографиями дорогих тебе людей, которые вся семья бережно хранила много, много лет.

Бог им судья, но расплата неотвратима...

Одним из таких «борцов за свободу» был дезертир Кульков, которого за дикий нрав осуждали даже односельчане. Но о нем позже.

Вернемся к нашему доброму, еще безмятежному дому. Главный фасад смотрел на широкие заречные дали с пологими возвышенностями, деревьями, ригами, редкими лесами.

Справа, если стоять лицом к фасаду, у крыла имелась осуществленная дедом, не очень казистая пристройка – крыльцо с проемом без дверей. Из него деревянная лестница вела в приподнятый над землей этаж, вернее бельэтаж. Под центральной частью он служил кладовой, складом, под крылом с родительской спальней – людской столовой, жильем для конюха Игната. Вход в людскую находился со стороны двора, где стоял каретный сарай. Под залом располагалась чистая кухня, в которую ходили с лестничной площадки.

Парадная лестница, которая видала многих именитых гостей и из Москвы и из Петербурга приводила в прихожую, где главным встречающим был дедовский провизорский шкаф. При деде в прихожей частенько толпился всякий люд, ожидающий приема или какого-нибудь лекарства. При наследниках такие просители перевелись. У входа стояло и висело несколько вешалок для многочисленных гостей, теперь тоже поубавившихся. В углу – круглый стол на колесиках. Им пользовались при гостях для размещения водок и закусок.

Прямо против входа белые двустворчатые двери вели в зал, а слева невысокая дверь в дедушкину спальню. Александр Арсеньевич до старости придерживался спартанской жизни и обстановка его комнаты соответствовала этому духу. Здесь стояли две железные кровати с сетками, тумбочка, мраморный умывальник, на стенах были развешаны несколько пожелтевших фотографий – бабушки, детей, самого дедушки в окружении всей Щеголевской семьи.

За спальней располагался обширный дедушкин кабинет – место приемов посетителей, основное местопребывание старого хозяина. Погруженный в сумрак кабинет деда мне казался таинственным центром жизни всего окружающего мира. Я очень любил залезать в большое дедовское кресло с упругими плоскими подушками из ворсистого зеленого материала и воображать себя вершителем судеб моей державы. Замечу, что, не смотря на мое малолетство, как кажется сегодня, результат моего правления был бы много лучше, нежели мы получили в итоге.

Александр Арсеньевич, сидя в кресле за столом, всегда видел в окно большой цветник перед домом, дорогу, обсаженную старыми березами, мост, реку, прячущуюся в обрывистых берегах, холмы за рекой, церковь и красную кирпичную школу, построенные его стараниями. Все это он любил, потому что во все вложил всю свою душу, свой труд и личные средства.

На столе непременно находилась Библия в теплом кожаном переплете, в которую я частенько заглядывал, пытаясь сложить в неведомые слова казалось бы знакомые буквы.

Против стола темнел небольшой сейф, где вероятно хранились ценные бумаги, и, как мне представлялось, несметные богатства и драгоценности.

На стене, граничащей с коридором, висели любимые дедушкины большие гравюры Давида, а под ними громоздился турецкий диван, на котором дед, уставший от трудов, любил поспать часок после обеда. Рядом стоял ломберный стол с зеленым сукном. На нем при свечах играли в винт, в преферанс и лакомились во время баталий позолоченным драже – Щеголев-старший любил всякие диковины и, к тому же, как признавалось медициной, золото и серебро предохраняют от болезней. В стороне, справа, помещался еще один, овальный стол, предназначенный для газет и журналов, всегда заваленный кучей корреспонденции. На полу перед турецким диваном расстилался уже вытертый персидский ковер темного цвета, с тонким рисунком. Венчали интерьер кабинета два канделябра в виде античных колонн, задрапированные темно-синей тканью, которые были выполнены с разными ордерами – дорическим и ионическим.

По стенам в обилии располагались застекленные шкафы с хорошими книгами. Отдельный шкаф заключал медицинские, хозяйственные справочники, поварские рецепты, в другом хранились книги для чтения издательств Вольфа, Девриена, Сытина, Сойкина. С каким увлечением я погружался в исследование толстых томов Брэма и Дарвина, изданных как я выяснил впоследствии, совсем другим Марксом, захватывающие французские истории г. Верна, таинственные книги Папюса и мадам Блаватской.

Но особенно меня привлекало, конечно, красочное издание Голике и Вильборг, посвященное германской войне. Для этих выпусков, долженствующих информировать широкого читателя о кровавой бойне, было характерно наиболее «полное и подробное» освещение войны и «документальные» фотографии, организованные при помощи статистов, переодетых в иностранную форму. Меня поразило большое фото под названием «мародер», на котором немецкий солдат стаскивает сапог с убитого «русского солдата». А среди крадущихся русских

воинов на другой фотографии, подбирающихся к сидящему на крыше германцу с биноклем в руках, я, конечно, представлял себя.

И я тогда недоумевал – как мог фотограф с громоздким съемочным аппаратом на треноге, оборудованным кассетами со стеклянными негативами, среди бела дня, подходить к вооруженному вражескому часовому и производить длительную съемку?!

Все, как выяснилось для меня впоследствии, являлось инсценировкой, но подкупало неискушенного читателя своей фотографической «правдивостью» антуража. Имелись там и прекрасные рисунки видных художников, которые изображали захваченные немцами бельгийские города, забитые мародерствующими бошами, торгующими награбленным – коробками с сигарами, бутылками и всяким другим гражданским барахлом. Собираясь вечерами в гостиной, вся семья смотрела и живо обсуждала разноцветные картинки. Все ужасались, но при этом не проникались пониманием серьезности положения на фронтах. Никто не понимал до конца, что это побоище может коснуться и нашего замкнутого мирка...

За кабинетом по коридору находилась небольшая «девичья», имеющая также выход на черную холодную лестницу, заключенную в деревянную пристройку. По этой крутой и неудобной лестнице, выходящей на главный фасад, я обычно отправлялся с няней на прогулку.

В торце крыла помещалась папина канцелярия. Два ее окна выходили на фасад. По стенам здесь выстроились канцелярские застекленные шкафы с делами, около них простой крашенный стол, и в отдельном шкафу хранилось папино охотничье оружие и заряды.

Рядом с канцелярией – детская. Резиденция моя и няни Кульковой. В правом углу находилась кафельная печь, и к ней прислонился диван. Возле печи вдоль стены – нянина деревянная постель под лоскутным одеялом, а рядом моя железная кроватка под пологом. Обычно посередине толпились деревянные лошади на колесиках. Тут имелся свой «Анархист» и «Гусар», другие, побывавшие в переделках, коняги. Почти все они достались мне от старших детей.

Вот и вся обстановка, которая окружала мое детство. Моя комната, хотя и имела два окна, не отличалась обилием света, так как, видимо, выходила на север или северо-запад. Кроме того, несколько затемнял окна огромный каретный сарай.

Напротив двери в детскую, через коридор, начиналась лестница в мезонин. Коридор упирался в дверь родительской спальни. Из спальни можно было пройти в гостиную через двустворчатые двери. В ней торжественно располагался парадный гарнитур мебели, которую дед подарил родителям к свадьбе. Справа у входа молчаливо возвышалась всегда немая фисгармония, покрытая салфеткой, на которой стояли набор индийских фарфоровых слонов и красивая картинка на стекле с изображением Ореанды. На столе с плюшевой скатертью с золотыми узорами, лежали альбомы с фотографиями, репродукциями, отпечатанными способом меццо-тинто.

Среди репродукций я навсегда запомнил картины Левитана «Над вечным покоем», Репина «Письмо турецкому султану», Крамского «Право господина» и многие, многие другие, прошедшие рядом со мной через всю мою жизнь.

Посреди стола возвышалась роскошная бронзовая лампа с ручками в виде амуров. Лампа появилась здесь по недоразумению. Папа попросил кого-то из родных привезти из города простую лампу за целковый, а ему доставили ослепительное великолепие за 25 рублей, а это уже были большие деньги. Пришлось папе поблагодарить и вручить четвертной билет с изображением Александра III, своего кадетского кумира.

У окон громоздились горки, вычурные этажерки с многочисленными комнатными цветами. Отдельно были устроены прекрасные лилии с тонким ароматом, которые пачкали мне нос желтой пылью. Из гостиной можно было выйти на балкон и лицезреть всю округу далеко-далеко, наверное, до самой Москвы...

Против спальни находились двери в зало, служившее семейной столовой. В зале под висячей керосино-калильной лампой возвышался дубовый раздвижной стол на круглых точечных ножках, а вокруг бесконечной чередой теснились светлые гнутые стулья с сеточными сиденьями. В углу стоял рояль, а около длинной внутренней стены красовался сановитый органион. На него разевала свой ненасытный рот труба граммофона, установленного на подставке, внутри которой хранились пластинки с записью удивительных и неестественно дребезжащих голосов. Вольтер и Петр 1, бюсты которых, разделанные под бронзу, приютились на круглых тумбах по углам создавали атмосферу торжественности и значительности вершащихся здесь дел. Между окнами, выходящими в парк, возвышались высокие трюмо с полками и подзеркальниками. Рамы у зеркал имели примерно тот же вычурный стиль, что и гарнитур в гостиной. Здесь уже ощущалось влияние модерна и эклектики, модных на рубеже века.

Под железным футляром в зале хранился знаменитый кинематограф и около него белый экран на легкой подставке. Экран был «гигантским» и имел размеры в полтора метра. По случаю синемаграфических приемов дед настелил в зале паркетный дубовый пол, натиравшийся перед праздниками воском.

На втором этаже обычно располагались, постоянно откуда-то прибывающие, гости, а сзади, на площадке стояли сундуки со старой и зимней одеждой и всякими немислимыми «сокровищами», до которых я иногда добирался.

Вот и весь Щеголевский дом... Старинный дом, еще не имевший городских удобств, хранящий память о нескольких поколениях своих обитателей. Дома уже давно нет, и неизвестно уцелел ли его фундамент. Только это краткое описание – дань памяти русской семье, воскрешает дом из небытия, так как не сохранилось ни фотографий, ни его архитектурных планов. А Дом был живой, большой и добрый. Он хранил нас от невзгод, пока мог, пока были силы...

Позже я понял, что все несчастья, обрушившиеся на нас, начались тогда, когда умер наш дом. И будто не стало нашего прошлого. Не стало ни скрипа ступеней, ни добрых рук деда, ни теплого летнего ветра, колышущего занавеску.

О прекрасных мгновениях и всем многообразии прошлой духовной жизни у последующих поколений сохраняется только хрупкая память, тем не менее, являющаяся самым величественным и реальным памятником ушедшего времени, но она живет только пока у потомков есть силы жить и надеяться...

И человек жив только тогда, когда хоть кто-нибудь еще помнит о нем. Это так. И дальнейшие события со всей очевидностью подтверждают этот тривиальный постулат.

Владик был очень привязан к отцу. Это и не удивительно – Александр Александрович Щеголев был по натуре своей достаточно спокойным и миролюбивым человеком, даже в период кадетской юности.

Но одна страсть все же овладела им. Добрейший Александр Александрович самозабвенно любил охоту и частенько, пренебрегая домашними делами, отправлялся за реку на промысел. Когда он приносил с охоты свою добычу, обгавленную каплями крови, Владик жалел мертвых красивых птиц и зайцев. Но помалкивал о своих чувствах, так как дичь убивал взрослый и умный папа, который всегда говорит о доброте, о том, что нельзя причинять другим обиду и зло.

Видимо, здесь действует какой-то особый закон, думал мальчик, которого придерживаются только взрослые, закон, разрешающий взрослым уничтожать живых тварей, но при этом ратовать против убийства. Взрослым нельзя жить, никого не убивая, заключил Владик свои размышления, и сделал свой очередной шаг в познании мира: чтобы жить они должны истреблять или селезней с сине-зелеными шейками, или зайцев в белых шубках, или солдат в серых шинелях.

Взрослея, при раздумьях, Владик начинает понимать, что слова фальшивы, что слова и у взрослых, и у детей, расходятся с делом. И это первое сильное впечатление сохранилось навсегда.

После своих детских выводов он уже всю жизнь печалится о смерти царящей вокруг, о страшных войнах, о терроре палачей народов. С клинической точки зрения, это становится, в некотором роде, навязчивой идеей Владислава. Его приводит в ярость словоблудие политиканов, на словах ратующих за добро, а на деле творящих зло. Он не признает «миротворцев», витийствующих о разоружении для других и сидящих на горах оружия для себя, презирует «пацифистов» – всяческих лордов, заседающих в теплых парламентах или псевдо правозащитников местного разлива, под шумок провоцирующих братоубийственную вражду. Он ненавидит «судей», отправляющих на казнь невиновных, осуждаемых по наветам и ложным доносам. О, бескомпромиссная молодость!

Но и через пятьдесят лет, даже будучи уже взрослым, умудренным человеком, Владислав Александрович все еще продолжает недоумевать. Он, видите ли, поражается неразумию других взрослых, следующих тому, давнему детскому закону о необходимости убийства – неразумию ученых, инженеров, продажных и наивных, создавших атомное оружие. На конкурс памятника Ферми он, как маститый архитектор, представит проект, на котором изображена виселица с подвешенным за ногу этим злым гением человечества, точно так, как был подвешен Муссолини. Но дуче кажется добрым ангелом по сравнению с этим дьяволом в человеческой плоти. И мысленно Владислав Александрович будет аплодировать «раскаявшимся» Оппенгеймеру и Сахарову, выступившим против чудовищной милитаризации, против возможности стократного уничтожения человечества атомным оружием, в создании которого они так опрометчиво участвовали. Высокое звание – Ученый – априори на планетарном уровне предполагает высшую степень ответственности за содеянное! Не просчитывает ситуацию, хотя бы на два-три хода вперед, только идиот. А если от твоего решения зависят судьбы миллионов людей? Если решение проблемы имеет не только узко теоретическое, лабораторное значение, а, как вдруг оказывается, интересуется «широкие круги общественности», как правило носящих погоны? Высоконравственную базу под смертельную опасность подвести легко. Но как потом дальше жить, если это сделал ТЫ?!

Конечно, можно сказать – прогресс остановить нельзя! И, что все равно найдется кто-то и когда-то, который сломает очередной запрет. И, что этот кто-то обязательно скажет: Не будем ждать милости от природы – взять их (милости!) наша задача! Все так.

Но пусть очередной первооткрыватель будет хотя бы еще чуть-чуть ближе к Богу, к Божьим заповедям, чем его предшественники. Ведь, в конечном счете, этими учеными мужами руководит только гордыня и алчность, какими бы словесами они их не прикрывали. И еще важно, чтобы борцы за прогресс, справедливость и за всяческие права, а также и науконенавистники не впадали в крайности и маниакально-депрессивные психозы и не начинали ненавидеть весь мир вообще. Также важно, чтобы люди у власти не считали себя вершителями судеб и не боролись бы с наукой, искусством с кистенем в руках.

А то случается...

Иногда Владика берут в церковь в Крутогорье или в дом приходит священник отец Иосиф. Мальчик слушает, как совершает службу отец Иосиф, как подпеваает дьячок, вдыхает приятный запах ладана, вкушает просфору и причастие из красного вина. Владика завораживает таинство действия. Но мальчик не может понять, для чего все это совершается. Ему говорят, что молятся Богу потому, что Бог всемогущий и может исполнить то, о чем попросишь его во время молитвы.

И Владик, выбрав время без взрослых, служит в детской свой молебен. Как отец Иосиф накидывает на себя ризу из одеяла, машет кадилом, сделанным из ведерочка на нитке и, без конца восклицая «Господи помилуй», просит у Бога исполнения своих сокровенных желаний.

Например, чтобы Бог починил курок у монтекристо или чтобы у деревянной лошадки вырос оторванный хвост. Но тщетно. Всемогущий не выполняет ни одной мольбы, сколько бы мальчик не провозглашал «Господи помилуй». Ничего! Вот так фунт!..

Как-то, видимо после водосвятия, батюшка принес освященной воды. Возник разговор о ее чудесных свойствах. Якобы святая вода может стоять годами и не портиться. Борис спросил:

– Отец Иосиф, а откуда вы берете святую воду?

– Из колодца, мой милый. Я наливаю ее в большой посеребренный сосуд и кладу в воду на ночь серебряный крест.

Владик удивился, он предполагал, что воду доставляют из святых мест, а не черпают ржавым ведром из деревенского колодца. Боря что-то слышал о чудесном феномене раньше, и у него мелькнула догадка. Он уточнил:

– А если сосуд и крест будут медные, а не серебряные?

Отец Иосиф задумался. Сейчас была поставлена на карту его правдивость.

– Ну-у, – пряча улыбку, протянул он, – тогда, я думаю, любезный отрок, вода не приобретет таких необходимых тебе свойств.

Борис недипломатично подвел итог:

– Значит, все дело в серебре.

– Нет, почему же. Решающее значение имеют святые силы и символы, но для этого нужно обладать не только головой, набитой новейшими знаниями, но и душой, открытой к Божественным таинствам, – закончил священник.

Несмотря на приоткрытую батюшкой таинственную завесу, у практического мальчика складывается впечатление, что и молитвы и служба – все это такие же сказки об исполнении желаний, какие рассказывала няня. Маленький атеист еще не ведает, что Вера это не только моление и служба для исполнения любых желаний, а и собственная жизнь, отданная для других людей, для Бога, во имя Добра и Света; что это тяжкий труд и борьба и, прежде всего, с самим собой...

Может быть, это звучит выпендренно и банально, но в любые времена, а во время детства Владика тем более, люди слишком часто забывали простые святые заповеди – отсюда и результат...

В конце пребывания в Песчаном, вероятно летом 1917 года, гуляя втроем в саду, брат и сестра завели разговор об удивительном изобретении, которое называется радио. Тогда это слово и для взрослых являлось новостью и маленький Владик, конечно, никогда не слышал его.

– А что такое радий? – спросил младший брат.

– Не радий, а радио. Радий это вещество, а радио, – невидимые волны, летящие по небу, которые можно поймать особым аппаратом, – со знанием процесса ответил Борис.

– А когда их поймают, то сажают в клетку, как нашего попугая?

– Дурачок. Радио передает звуки и слова. Все, что захочешь.

– Так, наверное, эти слова говорит Боженька.

– Какой Боженька?! Их посылают ученые и принимают ученые. Так можно разговаривать, например, из сада с нашим домом.

– Вот бы нам такое радиииоооо, – протянул пораженный мальчик.

Значит, в этом чуде не участвует Боженька, а все вершат люди и без его помощи?! Но может быть, хоть где-нибудь, видно присутствие Божественной руки?! Мальчик перебирает в уме все, что делают, обливаясь потом, люди и нигде не обнаруживает присутствия Божьей помощи.

Эти вопросы и мысли явились теми семенами, из которых выросло древо рационалистического мышления Владика.

Но, если честно сознаться, то став взрослым, Щеголев не сделался счастливее от своего рационализма, так же как и все люди не стали счастливее, изгнав с полей и из лесов, городов и сел некогда населявших их богов и богинь.

Много позже, в моменты страшных испытаний Владик вновь спросит:

– Где же ты, Господи?!

Конечно, рационалистическая идея формируется у мальчика не сразу, по мере его развития и только в Кашире, в доме Митрофановых мальчик преподносит маме свое религиозное кредо в ответ на укор в том, что сегодня забыли помолиться:

– Я не признаю Бога, – безапелляционно изрекает Владик.

Мама после такого заявления младшего сына бледнеет и чуть слышно говорит:

– Ты еще мал, чтобы рассуждать об этом.

Мальчик, однако, чувствует, что он не так уж мал, если у него появляются такие идеи. Но наряду с обладанием идеями, мальчик не знает элементарных слов. Как-то, повествуя за обедом о выдумках своего приятеля Горы Чернова насчет страшного суда, который нас всех ждет, Владик прибавил что он всегда в таких случаях тихо говорит себе:

– Ври, Гора, да не завирайся!

Мама сказала:

– Верно, ты не тихо говорил себе, а думал, – и добавила, – а Гора прав...

Но мальчик уже не слушал, он с радостью повторял новое слово:

– Я думал, я думал, я думал...

Так Владик приобщился мышлению, как делают это взрослые – он тоже стал «думать».

Начало было положено.

Но принесут ли эти размышления счастье?

«Задушевное слово». №37. 12 июля 1915 года

ГЛАВА 3

На 1 марта 1907 г. В Москве и пригородах проживало 1359 886 жителей, в Петербурге – 1464 000...

Из 80734 московских квартир лишь 18519, т.е. менее четвертой части, имеют проведенную воду и присоединены к канализационной сети... «Мудрено ли, что при таких условиях холера по три года не переводится в Москве» – сообщает корреспондент.

Уклад, положение и образ жизни Щеголевых заведомо предполагал многочисленные знакомства и широкое общение. Да и добрый отзывчивый характер Екатерины Константиновны, не способной отказать в помощи или участии, привлекал и родственников, и друзей, и случайных посетителей. Но иногда шумные и требующие внимания гости все же доставляли некоторые неудобства. Всегда нарушал покой громогласный Густав Франк, шумной ватагой налетали Вейсберги, Веденским же было необходимо «утонченное» обхождение...

Густав Густавович Франк со своей молодой женой совершал свадебное путешествие в Европу на белом пароходе. Для полноты ощущений они отправились через Константинополь и Каир. Собрав деньги после продажи урожая и получив доход от двух петербургских домов, он сыграл свадьбу, и в канун Рождества отправился в турне.

Вероятно, Густав Густавович или Гуля, как его звали близкие, был самой колоритной фигурой из числа знакомых Щеголевых, бывавших в Песчаном. Франки имели средства и могли себе позволить то, что не позволяли себе другие. Кроме того, молодой Франк умел вести доходное немецкое хозяйство, завел породистый, продуктивный скот и вел правильный севооборот. Одним словом с успехом выколачивал копейку из русской земли.

Стоя на верхней палубе, обдуваемой горячим босфорским ветром, Гуля с удовольствием предвкушал свой первый вояж с интересной женой и, главное, с большими деньгами, предназначенными для удовольствий.

Море казалось бескрайним и горизонты, в прямом и переносном смысле, для русско-немецкого барина расширялись. Теперь в сферу его интересов должны были войти не только московские, петербургские, но и азиатские и европейские кабаре, казино и другие подобные заведения для «содержательного отдыха».

Константинополь, правда, был великолепен только с борта парохода – узкие грязные улочки города с разномастной и крикливой публикой соответствовали разве что его представлениям о востоке вообще, навеянным «Тысячью и одной ночью». Тем не менее, несмотря на присутствие молодой жены, он посещал турецкие бани и другие вертепы, где демонстрировались все восточные варианты плотских радостей. Однако, азиатские улады ему не понравились, и он остался верен европейским...

Следующий пункт остановки – Каир начала XX столетия, как ему показалось, мало отличался от столицы Египта времен правления Тутанхамона, и Гуля, не впечатлившись мутными водами Нила и осыпающимися пирамидами, отбыл в более пристойные страны. И все же в Египте ему «повезло» – он тайно, с великими предосторожностями, нарушив местные законы, дорого купил роскошную тысячелетнюю мумию фараона, и потом с большой помпой привез ее в свое имение в Ледово. Но скоро владелец фараона обнаружил, что древний монарх не выносит российского климата и разрушается. Мумия оказалась склеенной из папье-маше, а внутри кокона болтался только синайский песок.

Прибыв на Лазурный берег, Гуля вздохнул с облегчением – вот он, европейский курорт достойный королей! И, как он убедился сойдя на берег, действительность не расходилась с фотографическими видами. Набережная Монтекарло сверкала белоснежными виллами, утопающими в сочной зелени. Куда там Кашире с ее речными полузатопленными дебаркадами...

Одним словом, Монтекарло его пленил. Здесь роскошь дворцов не соседствовала с лачугами бедняков. Все было пристойно, приватно и дорого. Супруги, естественно, посещали знаменитую рулетку, и Гуля просиживал там днями. Моментально вокруг столь щедрой пары, прибывшей на отдых из России, образовалась «дружеская» компания, которая не уставала восхищаться талантами и возможностями мсье Франка. В ночных клубах он сорил деньгами, оплачивая прихоти туалелей, в картежной игре, забыв о молодой жене, успевал заигрывать с молодыми особами и выпивать с приятелями несчетное количество водки и вина. Событийники соревновались, кто сколько аршин водки выпьет. Рюмки наполнялись водкой и ставились вплотную в одну линию, измерявшуюся аршинами.

Перечисляя гарсону любимые блюда, Гуля говорил:

– Глупая птица утка, одну съешь – мало, две съешь – много.

В Париже Франк снимал великолепные апартаменты с белым роялем и черным лакеем, стоившие ему триста целковых в месяц. Там он закатывал холостые и не холостые кутежи. В буфетах и барах он любил шикануть перед посетителями и за рюмку водки и бутерброд с икрой бросал буфетчику золотой. После такого номера буфетчик или бармен, согнувшись, бежали впереди щедрого вельможи, распахивали двери и желали «его сиятельству» счастливого пути даже по-русски. Вся публика с восторгом лицезрела этот спектакль. Сыну немецкого ростовщика слово «сиятельство» звучало музыкой.

Испив сию чашу цивилизованных наслаждений, Густав Густавович повадился в Европу по делу и без, находя для жены и родственников более-менее приемлемые объяснения. По возвращении из заграничных вояжей, Гуля красочно описывал их знакомым и соседям. Но русские медведи не поняли всей прелести походов на площади Пигаль или вечеринок с обнаженными мамзельками в Мулен-Руж в Париже и закатили сластолюбцу опеку над его имуществом. Им не нравилось, видите ли, что отечественные капиталы уплывают в заграничные бардаки. Гуля был взбешен, но к его счастью (или несчастью) опекуны не проявили большой строгости.

Франки владели имением Ледово, неподалеку от Каширы. Поговаривали, что Франк-отец, промышляя ростовщицеством, сколотил состояние и полез в русские поместья. Однако семья сохраняла лютеранскую религию вплоть до германской войны. С началом войны Густав Густавович перешел в православную веру. При крещении его нарекли Виктором Викторовичем. На самом-то деле Франк не верил ни в Бога, ни в черта, он поклонялся своей мамоне. Он был непревзойденным мастером пожить, поесть и попить...

Но, возможно, как раз деньги и внесли разлад в семью – жена скоро поняла, что ее муж интересуется только способами приобрести на них максимум сомнительных удовольствий. И после того как супруги разошлись, Франк, освободившись от сдерживающих сил, еще более расширил круг своих развлечений.

В германскую войну Гуля притих. Он боялся, что его интернируют, но за него видимо поручились те же опекуны, также помогли, конечно, и солидные пожертвования на Красный Крест, в фонд помощи раненым и на прочие богоугодные цели.

В 1918 году по решению местного комбеда Франк выкатился из Ледова и поселился в Кашире. Как говорил сам Гуля, здесь он жил на средства, получаемые из «земельного банка», то есть на выручку от продажи ценностей зарытых в землю. У него имелась в Кашире приятельница, разрешившая ему при понятных обстоятельствах зарыть кубышку в ее саду, но так, чтобы она не видела, где именно. Живя постоянно в городе, Франк частенько наведывал Ледово. После развода с женой и еще до вселенских катаклизмов он присмотрел миловидную крестьянскую девушку, сделал ее горничной в доме и жил с ней. Впоследствии он женился на этой крестьянке – Груше, имея от нее уже двоих детей.

Франк настолько втянулся в авантюрную жизнь, что ни войны, ни революции не смогли его остановить. Продолжались эти похождения и при новой советской власти. В Кашире

Франку пришлось отказаться от многих былых привычек, но не от всех. На «земельный капитал» он продолжал поигрывать в карты. Для любителей картежной игры имелись тайные заведения в частных домах. Одно из них называлось «вертеп», а другое «притон». Здесь шла откровенная денежная игра. Несмотря на свой опыт, Франк частенько проигрывал, его попросту обирали местные шулера, знающие кого можно потрошить, и «земельный банк» быстро пустел.

После каждого проигрыша Гуля горестно сетовал на то, как он неудачно прикупил, что банк сорвали, когда у него на руках имелись верные карты и прочее в таком духе. Шулера знали свое дело...

Иногда, на запрещенные уже революционными законами притоны и вертепы, милицией устраивались облавы. Тогда игроки молниеносно прятали деньги и карты кто куда мог: в носки, в горшки с цветами, в печи. Рассказывали, как однажды милиционер из облавы сказал Франку:

– А что это вы ложкой из пустой тарелки черпаете?

– Да я просто мух гоняю, – ответил Гуля, растерявшись при виде ворвавшейся милиции.

В другой раз, при настойчивом стуке в дверь, толстый Гуля полез в окно, но застрял:

– Лезу и не пролезаю, а сзади уже хватают за штаны!

В минуты отрезвления от картежного азарта Гуля, потерявший и все деньги, и земли, и усадьбу, порывался начать хлопоты о поступлении на работу в качестве крупье, одного из действующих московских игорных домов. Для такой цели он придерживал свой лучший костюм заграничного шитья, привезенный еще из Франции. Но однажды и эту последнюю надежду Гуля поставил на кон, желая отыгаться наперекор невезению. Банк сорвали, и мечта о доходном месте крупье не осуществилась.

Некоторое время Гуля служил делопроизводителем в каширской тюрьме. Ему давали арестанта из трактирных половых для личных услуг, и тот сервировал ему стол по стародавнему образцу – с сияющим столовым серебром, белоснежными салфетками, хрустальными флаконами для специй. Но теперь на саксонских блюдах возлежала вареная кормовая свекла, а в хрустальных солонках содержался бузун – соль немолотая и черная. Однако Гуля умел смаковать и строил фантастические бутерброды из нарезанной ломтиками мороженой картошки, кормовой и красной свеклы. Такое сооружение выглядело столь же красочно, как блюда из омаров, подаваемых в каком-нибудь гастрономическом королевстве в старые добрые времена.

Но лакей из арестантов вскоре был отозван обратно за решетку, а сам Гуля покинул тюремное место, как персона нон грата, как элемент социально чуждый для столь благородного учреждения.

Невзирая на то, что Александр Александрович осуждал Франка за его неблагоприятные делишки, Гуля всегда являлся на все тезоименитства, справляемые по старой традиции. Он, конечно, потускнел, но вид еще имел приличный и даже в последнее время пребывания Щеголевых в Кашире, то есть около 1925 года, сохранил дородность, сановитость, апломб и раскатистый голос, правда, уже скрипучий и до сих пор не потерявший немецкого акцента.

После отъезда Щеголевых из Каширы, Гуля продолжал влачить свое существование уже без «земельного фонда», поддерживаемый подачками Груши, ставшей работницей совхоза «Ледово». Дети жили с ней, и им, к счастью, не прививались наклонности отца.

С началом коллективизации, как и везде, здесь стали выселять всех, кто по предположению ГПУ мог бы подумать о возможности противодействия великому мероприятию, и Гуля загремел в места весьма отдаленные. Там он стал жить хоть и на свободе, но под надзором. Ему предлагали работу, но он предпочитал добывать средства спекулируя водкой. Он писал слезные письма своим старым приятелям, взывая о помощи. Щеголевы посылали ему малую толику, но они и сами жили далеко не роскошно. В конце концов, водочная коммерция Франка не понравилась местным властям и его без проволочек посадили уже по-настоящему. На том жизненная эпопея Г.Г.Франка бесславно закончилась.

Как горько было вспоминать несчастному узнику свои роскошные вояжи по столицам мира, фешенебельные отели с согбенными пред ним метрдотелями и писаных красавиц, готовых к услугам. Густав Густавович не покинул родину во время революции, вероятно, в силу своего характера надеясь на мимолетность очередной «неприятности», а можно допустить, что и из-за патриотических соображений. Кто знает? Но на этот раз все оказалось не только серьезней, но и страшней.

В начале века он проделал путь через Константинополь на Лазурный берег, будучи шикарным и богатым господином. А сколько же тысяч других достойных людей-беженцев, да и таких же авантюристов, как Франк после 17-го года проделали этот путь уже в грузовых трюмах на головах друг у друга, спасаясь от неминуемой гибели?..

Франк остался на родине и получил сполна.

Все многочисленное семейство Вейсбергов были хорошими знакомыми Щеголевых и часто бывали у них в Песчаном, создавая в свои приезды веселый гам, галдеж и какую-то праздничную суету. Особенно рады приезду Вейсбергов были щеголевские дети, так как в семействе имелись свои дети – примерно их ровесники, и тогда начинались новые игры и развлечения. Ребята, тайком от взрослых бегали на Осетр, на дальние луга, где с упоением играли в скаутов или в индейцев, втыкая в волосы куриные и вороньи перья.

Вечером устраивали шикарный прием, на котором непременно присутствовал местный крутогорский батюшка. Катя играла на рояле, Саша, вспоминая юность, брал в руки гитару, кто мог – пел, кто не мог – танцевал. Большой дом на взгорье блистал и шумел! Что поделывать, Щеголевы тоже хотели иной раз пустить пыль в глаза своим друзьям-богатеям.

Вейсберги происходят из богатых евреев, видимо давно крещеных. Свой капитал они составили в столицах и, как говорили, весьма сомнительными операциями, в том числе ростовщичеством. Только оно давало возможность быстро возвышаться нуворишам. Ни честная коммерция, ни служба не предоставляли того дохода, какой получали «процентчики».

Сделав состояние, старый Вейсберг задумал еще одну аферу, которая достойно венчала бы его труды. Он вознамерился пролезть в русское дворянство. Трудно представить себе, чтобы еврей, даже богатый и крещеный, решился на такую дерзость в то патриархальное время!

И что же? Он добился своего! Путем огромных пожертвований на благотворительные цели, ростовщик купил заветное звание. Он стал российским дворянином. Скрепя сердце, его стали принимать в дворянском кругу. Добившись невозможного, он почувствовал силу своих денег и вознамерился превратиться из выкреста Вейсберга в столбового дворянина Белогорова. Он подал прошение на «Высочайшее Имя» об изменении своей сомнительной фамилии. Но тут терпение «в верхах» лопнуло, и ему наотрез отказали.

Россия в это время переживала бурное развитие, и капитализм ломал древние устои. Дети старого Вейсберга уже чувствовали себя на равных со столбовыми. Столбовые скромно посиживали по своим теремам, а новые дворяне вояжировали по Европам. Как и Франки, свое богатство они черпали из русских недр, а транжирили его по европейским базарам.

Но справедливости ради надо сказать, что все Вейсберги были добрыми и милыми людьми, с которыми у Щеголевых завязалась многолетняя дружба, проверенная испытаниями. Часто случалось, что в период диких репрессий и бедствий, семьи бескорыстно помогали друг другу, рискуя навлечь на себя еще большие кары.

Владислав знал двух прямых потомков старого Вейсберга – Владимира Михайловича и Марию Михайловну, а так же вдову третьего Вейсберга – Наталью Сергеевну. Владимир, так же как и Гуля, часто бывал за границей, где проходил те же ступени познания света, что и Густав Густавович. Те же кабаки, те же бардаки на пляс Пигаль. «Красная мельница» одинаково жадно перемальвала деньги обоих. Только плати, а там наплевать кто ты – русский дворянин или еврейский ростовщик.

Владимир Михайлович, соревнуясь с Франком, тоже красочно описывал прекрасное Монтекарло, казино, рулетку, шмен-де-фер и волшебный рассвет над лазурным морем после бессонной ночи за зеленым сукном.

С его слов можно было хорошо представить себе завсегдаев казино – джентльменов с беспокойными глазами и «беспроегрышными» системами игры, старух, трясущимися руками делающих ставки, крупье, невозмутимо опускающих золотые чаевые в жилетные карманы с кратким «мерси».

Иногда рулетку «перекашивало» и ее шарик оказывал предпочтение каким-то цифрам. Тот, кто подмечал перекося раньше других, делал себе состояние. Казино не шло на скандал и не опротестовывало выигрыш. Ведь оно при любых обстоятельствах имело доход – игорному дому отчислялся определенный процент с любого выигрыша, правого и неправого. В чрезвычайных случаях крупье прекращал игру на дефектном столе, и игра продолжалась на запасном.

Болельщики, толпившиеся вокруг столов, горящими глазами следили за горами фишек, кочующих по столу. Фишки потом обменивались на любую валюту. Рассказывал Владимир Михайлович и о баснословных выигрышах и проигрышах целых состояний, завершавшихся выстрелом в висок.

Около игроков кормились профессиональные нищие, занимающие у казино каждый свое определенное место. Выигравшие считали своим долгом принести жертву богу удачи и оделяли профессионалов. Нищие имели приличный вид, составляли себе капиталы и выдавали дочерей замуж с богатым набором драгоценностей, сервизов и дорогой мебели.

Владимир Михайлович в угоду слушателям, сочинил историю о том, как его пригласил один из таких богатых нищих на свадьбу дочери. Свадьбу отпраздновали в фешенебельном ресторане, присутствовало сто человек гостей, приданое было оценено в десять тысяч франков.

После революции сей рыцарь зеленого поля не оставил своего любимого конька и поступил работать в советский игорный дом – «Владимирский клуб» на проспекте Нахимсона в Ленинграде, вновь открывшийся в НЭП. Он, конечно, привирал рассказывая о том, что, уходя домой, ежедневно забегал в другое казино к знакомому крупье и бросал мелкую ставку на красное или черное, чет или нечет в рулетке, и почти всегда имел небольшой выигрыш «на извозчика», иногда даже на «лихача», которые круглосуточно стояли у клуба. Лихачи предназначались для выигравших, но никому не приходило в голову поставить для проигравших похоронные дроги. А они иной раз были бы кстати, потому что в клуб попытать счастья навещались кассиры совучреждений со всей получкой для сотрудников. Фортуна не всегда благопритствовала искателям счастья, они уходили отсюда с пустыми портфелями, и вынуждены были ложиться под трамвай или низвергаться в пролеты лестниц...

Сестра верного любителя казино – Мария Михайловна имела чин капрала Армии спасения, заработанный, видимо, чтобы задобрить Бога за грешки отца и брата. Она не имела постоянного места службы, немного преподавала, помогала больным, и, естественно, распродала остатки ценностей. Но у нее имелась одна обязанность, от которой она, быть может, получала и доходы – опекала молодых пасторов из существующей тогда лютеранской кирхи. Пасторы были уже обрусевшие, советские, имели полурусских жен, и лишь молились они не по-русски.

Мария Михайловна являлась активисткой при кирхе, хотя считалась православного вероисповедания. В свое время она поможет Александру Александровичу получить небольшой заработок при церкви. Там образовалось некое подобие «общества» или клуба, где можно было, как им казалось, открыто и свободно говорить обо всем. Но, конечно, и в стенах этого храма нашелся свой иуда, и сия богадельня была прикрыта. В то суровое время подобные деяния приравнивались к контрреволюции и вся компания – пасторы, актив, прихожане и даже учителя ручного труда без проволочек получили по сроку.

Александр Александрович, конечно, совершал большую ошибку, являясь с гонимой церковью и ее приходом. Эти так называемые «бывшие» могли только завлечь в стоячее болото

глупых надежд на реставрацию безвозвратно минувшего. Мышиная возня пасторов, капралов, представляла собой пустую и никчемную трату времени и сил.

Ничтожной и жалкой выглядела их деятельность на фоне, грандиозных свершений, осуществляемых русским народом.

И не благодаря мудрому руководству партии, а вопреки. Это ясно хотя бы потому, что в известном статистическом 1913 году все это уже было, а если чего-то и не было то, надо думать, не будь разрухи в головах, как писал Михаил Булгаков, давно бы уже было построено предприимчивым народом к всеобщему благоденствию, а не гибели. Власти же, только выжимали из народа последние силы, используя старый проверенный лозунг, который годится и для «верхов» и для «низов» – грабь!

А гипнотическая сила коммунистических лозунгов открывала просто фантастические перспективы – в скором времени ограбить весь мир! Отдадим должное революционным лидерам из нацменьшинств, а среди вождей таких было большинство, они, по началу, искренне верили в творимый хаос, желая благоденствия для своих соплеменников, хорошо зная, что такое быть гонимым.

Свершения новой власти, однако, нужно было уметь видеть из-за частого личного неустраивания. Щеголев-старший не желал или не мог дать правильную оценку ни событиям, ни людям и их деятельности на бурном фоне современной жизни и на том погорел.

Позже других из круга Вейсбергов, около 1930 года, Владислав познакомился с Натальей Сергеевной, урожденной Жихаревой. В свое время она слыла красавицей, и можно было уловить это, глядя на ее уже поблекшее, но сохранившее правильные черты, лицо.

Она жила в затхлой, темной комнате в одном из бесконечных коридоров дома барона Фредерикса на Лиговке, около Николаевского вокзала. Дом барон построил специально для проституток и петербургских подонков, мыкающих на Лиговской улице и в прилегающих трущобах. Как говорится, деньги не пахнут и барон, министр Двора, получал доходы, не спрашивая об их источниках.

Внутренность дома производила ужасное впечатление. Владислав, в свой приезд к ней с трудом ориентировался в бесчисленных переходах, лестницах и тупиках. Обшарпанные стены, выщербленные каменные полы, железные ограждения лестниц и площадок, все говорило о жалкой юдоли жильцов, о каком-то отчаянии и безысходности. И такое наблюдалось тогда, когда основной состав дореволюционных жильцов уже сменился, и многие комнаты занимали уже рабочие и совслужащие. Такова была неистребимая атмосфера дома, которую изменить не представлялось возможным.

После Отечественной войны всех жильцов из дома переселили, дом капитально перестроили и превратили в гостиницу «Интурист». Удивительно, как удалось выпотрошить всю начинку бывшей клоаки. И удалось ли?

Наталья Сергеевна, как и все из ее круга, жила случайными заработками, бедствовала, но этого судьбе показалось недостаточным, и на нее свалилась новая беда. При коридорной системе ее дома, кухня не имелась, так как старые жильцы питались кусками или, в лучшем случае, в лиговских трактирах. А теперь каждый в своей конуре имел закуточек, где шумел примус или коптила керосинка. Однажды хозяйка стала заправлять керосинку, не погасив ее. В результате произошел взрыв, дверь намертво захлопнулась и Наталья Сергеевна стала заживо гореть. На дикий крик сбежались соседи. С большим трудом они выбили дверь и потушили пожар. Пострадавшую отправили в больницу, и она очень долго лечила ожоги. Обгорело лицо, а главное – руки, и она стала буквально калекой. На что дальше жила Наталья Сергеевна неизвестно, работать не могла, запасы уже истощились, пенсии тогда выплачивали мизерные.

Щеголевы, когда была возможность, навещали ее в этом жутком доме и помогали чем могли. В 1935 году, калеку – врага советской власти, как и многие тысячи других людей, подоб-

ных ей, выселили из Ленинграда, и связь с ней и с остальными Вейсбергами прекратилась навсегда.

Так стоило ли старому Вейсбергу и всему семейству тратить столько сил, средств, чтобы утвердиться в обществе? Стоило ли верить, надеяться, жить, чтобы потом сгореть заживо в грязном коммунальном доме?..

Одной из нечастых, но постоянных гостей имения Щеголевых являлась Ольга Николаевна Вальцова. Не первой молодости, высокая, с маленьким личиком, одетая со старомодным шиком, она в Кашире получила прозвище «Тыркина барыня». И она действительно производила впечатление неприступной и чопорной особы. Свою чопорность она сохранила и после того, как лишилась средств, прав и жила на птичьем положении по разным углам.

Да, Ольга Николаевна редко появлялась в Песчанке, но на то имелись основания. Ее не очень жаловали из-за ее характера и манеры держаться. Когда в гостиной она возвышалась мраморной статуей, то требовала непрерывного внимания хозяев. Не любили ее так же потому, что с семейством Вальцовых была связана довольно грязная история, которая не вязалась с самой Ольгой Николаевной, представляющей олицетворением чистоты и порядочности.

Дело в том, что Ольга Николаевна покинула своего мужа Юрия Павловича вследствие того, что ее достойный супруг подхватил в злочных местах Москвы опасную венерическую болезнь. Болезнь прогрессировала, и Юрию Павловичу вставили, как говорили, «серебряное горло». При разговоре Вальцов сипел и свистел, как паровоз «кукушка».

Этими обстоятельствами Ольга Николаевна была до предела оскорблена, и на почве пережитого шока у нее развился некий пунтик. Она до болезненности стала брезглива и чисто-плотна. Например, когда представлялось возможным, за ручки дверей бралась через бумажку, не выносила кошек, так как все они, по ее мнению, являлись сосудом с эхинококками. Видимо она глубоко пережила страшную возможность самой получить дурную болезнь и поэтому принимала нужные и ненужные меры, чтобы избежать какого-либо заражения. Другим людям ее поведение казалось неестественным и натянутым. Но кроме осложнений, связанных с болезнью мужа, имелось еще некое «но», которое так же заставляло сторониться соломенной вдовы.

Как всякая еще не старая женщина, несмотря на свой наигранный гонор, Вальцова нуждалась в мужском внимании и заботе. И вот в пику Юрию Павловичу около нее появился некий татарин, опекавший ее как верный паладин.

– Керим, пойди туда, Керим принеси то, – непрерывно раздавалось в доме Ольги Николаевны. И этот большой статный мужчина с восточным непроницаемым лицом, выполнял все указания с молчаливой покорностью.

Из-за Керима и возникло еще одно осложнение с приглашениями Вальцовой. Если кое-как терпели саму барыню, то приветить ее правоверного сожителя представлялось совсем невыносимым. В гостях он сидел подле своей повелительницы, держал обе руки на коленях и торжественно молчал. Хозяевам приходилось уделять особое внимание уже двум истуканам. Так Вальцова попала в список особо нежелательных гостей.

Несмотря на то, что Щеголевы терпеть не могли принимать «Тыркину барыню», с ней почему-то поддерживались отношения и вершились дела. Например, уже в Кашире у нее взяли на подержание большие настенные часы с боем, и она в самый неудобный момент отобрала их. А как-то Вальцова подсунула Щеголевым для откорма свою курицу и требовала от нее яиц. Подобные дела обычно кончались пререканиями, причем к удивлению окружающих, все неприятные слова в свой адрес, Вальцова сносила безропотно и отношений не порывала. Владуку, мальчишке, бывало жаль ее, когда она гордо уносила свою маленькую головку, а он видел, что многие, брошенные в запале слова ранили ее в самое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.